

ISSN 0131—5994

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА № 3/85
Март

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

11 марта 1985 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС т. Горбачев М. С.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко участники Пленума почтили память Константина Устиновича Черненко минутой скорбного молчания.

Пленум отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни выдающийся партийный и государственный деятель, патриот и интернационалист, последовательный борец за торжество идеалов коммунизма и мира на земле.

Вся жизнь Константина Устиновича Черненко до конца была отдана делу ленинской партии, интересам советского народа. Куда бы ни направляла его партия, он неизменно, с присущей ему самоотверженностью, боролся за претворение в жизнь политики КПСС.

Много внимания уделял Константин Устинович Черненко последовательному проведению курса на совершенствование развитого социализма, на решение крупных задач экономического и социального развития, повышение благосостояния и культуры советского народа, на дальнейший подъем творческой активности масс, улучшение идеологической работы, укрепление дисциплины, законности и порядка.

Большой вклад внес Константин Устинович Черненко в дальнейшее развитие всестороннего сотрудничества с братскими странами социализма, осуществление социалистической экономической интеграции, упрочение позиций социалистического содружества. Под его руководством твердо и последовательно проводились в жизнь принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем, давался решительный отпор агрессивным замыслам империализма, велась неустанная борьба за прекращение навязанной империализмом гонки вооружений, устранение угрозы ядерной войны, за обеспечение надежной безопасности народов.

Как зеницу ока берег Константин Устинович Черненко единство нашей Коммунистической партии, коллективный характер деятельности Центрального Комитета и его Политбюро. Он всегда стремился к тому, чтобы партия на всех уровнях действовала как сплоченный, слаженный и боевой организм. В единстве мыслей и дел коммунистов видел он залог всех наших успехов, преодоление недостатков, залог поступательного движения вперед.

Пленум подчеркнул, что в эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплачиваются вокруг Центрального Комитета партии и его Политбюро. В партии советские люди с полным основанием видят руководящую и направляющую силу общества и полны решимости беззаветно бороться за реализацию ленинской внутренней и внешней политики КПСС.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро с речью по этому вопросу выступил член Политбюро тов. Громыко А. А. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Горбачева М. С.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единодушно избрал тов. Горбачева М. С.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Горбачев М. С. Он выразил глубокую признательность за высокое доверие, оказанное ему Центральным Комитетом КПСС, отметил, что очень хорошо понимает, сколь велика связанная с этим ответственность.

Тов. Горбачев М. С. заверил Центральный Комитет КПСС, что он приложит все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу, чтобы неуклонно осуществлялись программные установки КПСС, обеспечивалась преемственность в решении задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, чтобы настойчиво воплощалась в жизнь ленинская внутренняя и внешняя политика Коммунистической партии и Советского государства.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

Михаил Сергеевич ГОРБАЧЕВ

Михаил Сергеевич Горбачев родился 2 марта 1931 года в селе Привольном Красногвардейского района Ставропольского края в семье крестьянина.

Вскоре после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в возрасте 15 лет он начал свою трудовую деятельность. Работал механизатором машинно-тракторной станции. В 1952 году вступил в члены КПСС. В 1955 году окончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (юридический факультет), а в 1967 году — Ставропольский сельскохозяйственный институт, получив специальность ученого агронома-экономиста.

С 1955 года М. С. Горбачев — на комсомольской и партийной работе. Работает в Ставропольском крае: первым секретарем Ставропольского горкома ВЛКСМ, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, а затем вторым и первым секретарем крайкома комсомола.

В марте 1962 года М. С. Горбачев был выдвинут парторгом Ставропольского территориально-производственного колхозно-совхозного управления, а в декабре того же года утвержден заведующим отделом партийных органов крайкома КПСС.

В сентябре 1966 года он избирается первым секретарем Ставропольского горкома партии. С августа 1968 года М. С. Горбачев работает вторым секретарем, а в апреле 1970 года избирается первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

М. С. Горбачев — член Центрального Комитета КПСС с 1971 года. Был делегатом XXII, XXIV, XXV и XXVI съездов партии. В 1978 году избран секретарем ЦК КПСС, в 1979 году — кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. В октябре 1980 года М. С. Горбачев переведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 8—11-го созывов, председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза. Депутат Верховного Совета РСФСР 10—11-го созывов.

Михаил Сергеевич Горбачев — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. На всех постах, которые ему поручает партия, трудится со свойственными ему инициативой, энергией и самоотверженностью, отдает свои знания, богатый опыт и организаторский талант претворению в жизнь политики партии, беззаветно служит великому делу Ленина, интересам трудового народа.

За заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством М. С. Горбачев награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

ОБРАЩЕНИЕ

Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия Советского Союза, Советское государство, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни Константин Устинович Черненко — выдающийся партийный и государственный деятель, патриот и интернационалист, последовательный борец за торжество идеалов коммунизма и мира на земле.

Вся жизнь Константина Устиновича Черненко до конца отдана делу ленинской партии, интересам советского народа. Куда бы ни направляла его партия, он неизменно, с присущей ему самоотверженностью, боролся за претворение в жизнь политики КПСС, в рядах которой состоял более пятидесяти лет.

От комсомольского вожака и парторга пограничной заставы до Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР — таков жизненный путь К. У. Черненко. На высших постах в партии и государстве во всей полноте раскрылся его талант организатора, руководителя ленинского типа. Центральный Комитет партии, Политбюро ЦК КПСС во главе с К. У. Черненко вели большую и плодотворную работу по мобилизации трудящихся на выполнение решений XXVI съезда КПСС, последующих Пленумов Центрального Комитета.

Последовательно проводился курс на совершенствование развитого социализма, на решение крупных задач экономического и социального развития, повышение благосостояния советского народа, дальнейший подъем творческой активности масс, улучшение идеологической работы. В центре внимания партии постоянно находились вопросы укрепления дисциплины, законности и порядка, кадровой политики, активизации деятельности Советов, комсомола, народного контроля, школьной реформы, повышения общественной роли литературы и искусства. Ведется активная работа по подготовке к очередному, XXVII съезду КПСС, разработке новой редакции Программы партии.

На международной арене усилия партии концентрировались на дальнейшем развитии всестороннего сотрудничества с братскими странами социализма. С деятельностью К. У. Черненко связаны переход к новому этапу социалистической экономической интеграции, упрочение позиций социалистического содружества.

ЦК КПСС, Советское государство твердо и последовательно проводили в жизнь принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем, решительно противодействовали агрессивным замыслам и устремлениям наиболее реакционных кругов империализма, неустанно боролись за прекращение навязанной империализмом гонки вооружений, устранение угрозы ядерной войны, за обеспечение надежной безопасности народов.

В связи с тяжелой утратой Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР обращаются к коммунистам, к советскому народу с призывом еще теснее сплотиться вокруг ленинского Центрального Комитета партии и его Политбюро. В Коммунистической партии Советского Союза трудящиеся нашей страны с полным основанием видят руководящую и направляющую силу советского общества. Все дела и помыслы партии направлены на беззаветное служение коренным интересам советского народа, делу коммунизма.

КПСС вооружена бессмертным революционным марксистско-ленинским учением. Она неуклонно следует по пути, указанному Лениным, и с этого пути не свернет никогда.

Партия и впредь будет проводить курс на всестороннее совершенствование развитого социализма. Она считает высшим смыслом своей деятельности дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа на основе интенсификации экономики, всемерного ускорения научно-технического прогресса. Со всей настойчивостью будет все более полно осуществляться во всех сферах нашей жизни присущий социализму принцип социальной справедливости, неотступно проводиться одобренная и поддержанная трудящимися страны линия на укрепление дисциплины, порядка, организованности. Партия и дальше будет укреплять союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, братскую дружбу советских народов, составляющих основу жизнедеятельности нашего общества, будет развивать социалистическую демократию. Партия считала и считает высшими духовными ценностями советских людей марксистско-ленинскую убежденность, коллективизм, патриотизм, пролетарский социалистический интернационализм.

КПСС, Советское государство делали и делают все возможное и необходимое для укрепления социалистического содружества, упрочения позиций социализма на мировой арене, для предотвращения ядерной катастрофы и обеспечения прочного мира. Мы хотим и настойчиво добиваемся прекращения гонки вооружений, предотвращения милитаризации космоса. Наша конечная цель — полное уничтожение ядерного оружия повсюду на планете, полное устранение угрозы ядерной войны. Советский Союз неизменно выступал и выступает за конструктивный диалог, за практические меры, ведущие к снижению международной напряженности, к установлению атмосферы доверия, сотрудничества и взаимопонимания между всеми народами и государствами.

Советский Союз никому не угрожает и не стремится к военному превосходству. Но он не допустит того, чтобы какая-либо другая страна или коалиция государств получили такое превосходство. Вот почему мы и впредь будем неустанно повышать бдительность, крепить обороноспособность нашей социалистической Родины.

Наши симпатии и наша поддержка на стороне народов, борющихся за свободу и национальную независимость. В борьбе за мир и социальный прогресс КПСС неизменно верна последовательному курсу на всемерное сплочение сил международного коммунистического и рабочего движения.

Цели партии ясны и благородны. Они позволили КПСС снискать безграничное доверие трудящихся. В единстве с народом — сила партии. В единстве с партией, в ее руководстве — сила народа.

Константин Устинович Черненко, посвятивший всю свою жизнь верному служению партии, советскому народу, навсегда останется в памяти коммунистов, всех советских людей. Он останется в нашей памяти как страстный пропагандист марксистско-ленинских идей, как отзывчивый и требовательный руководитель, как человек чуткий и внимательный к нуждам и заботам людей труда.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР твердо уверены в том, что коммунисты, все советские люди, проявляя высокую сознательность и организованность, будут трудиться с еще большим энтузиазмом и самоотверженностью, крепить экономическое и оборонное могущество нашей Родины, достойно нести знамя Великого Октября.

РОССИЯ

Анна Луиза СТРОНГ,
американская журналистка

В тот жестокий декабрь 1942 года, когда Сталинград дрался за Волгу, а Донецкий бассейн, великий южный центр угля и стали, уже вторую зиму был в руках врага, в лесах на севере русские лесорубы валили лес для восстановления донецких шахт.

Они верили в победу и готовились к будущему, столь зависимому от превратностей войны. Этой верой жил весь Советский Союз, все советские люди. Они верили, что Красная Армия скоро вернет угольные шахты, они знали, что стране нужен уголь и шахты должны быть восстановлены в кратчайшие сроки.

С весенним паводком лес сплавили по Волге, перевезли на Дон и на плотах спустили вниз по реке. Долгие летние месяцы шахты, к которым плыл лес, были все еще в руках фашистов. Но наступление Красной Армии достигло наконец шахтерского района, она отвоевывала город за городом, шахту за шахтой, и лес прибыл в этот опустошенный край уже через неделю после армии, преодолев огромный путь с севера на юг страны.

В страшную зиму 1941 года, когда Ленинград оказался в блокаде и его жители остались без продовольствия, потом без воды, потом без электричества, потом без топлива; когда германские бомбы и снаряды рвались в прекраснейших исторических зданиях и когда каждый мужчина, женщина, ребенок работали на оборону, ленинградские архитекторы приступили к разработке плана ликвидации нанесенного городу ущерба.

«Труднее всего,— сказал Николай Николаевич Белехов, начальник государственной инспекции по охране памятников,— было спасти дворцы и другие здания великих архитекторов прошлого. Их не зароешь, не накроешь мешками с песком, и они стали особой мишенью для германской артиллерии. Поэтому наши архитекторы сделали очень точные чертежи и рисунки зданий, до мельчайших деталей, которые в случае необходимости можно было бы заменить новыми».

Архитекторы работали под артиллерийским огнем, на пустой желудок. Рисовали, обмораживая пальцы. Они не только точно скопировали каждую деталь исторически и художественно ценных зданий, но и разработали план будущей застройки города с учетом удобств, отдыха и здоровья жителей.

Восстановление началось даже до того, как сняли блокаду. Сильно разрушенный Исаакиевский собор начали восстанавливать уже весной сорок третьего [1]. Сейчас восстанавливают Эрмитаж [2], Мариинскую оперу Кавоса [3]. Новый план предусматривает и создание огромного парка по берегам Невы и Финского залива [4], куда войдут несколько прежних парков.

Красная Армия проложила дорогу по льду Ладожского озера, по ней доставляли в Ленинград продовольствие, увозили голодных детей; дорогу бомбили ежедневно, и ежедневно она вновь затягивалась льдом. По этой дороге в глубь страны были эвакуированы самые ценные сокровища из сорока трех знаменитых ленинградских музеев [5]. Другие сокровища укрыли в глубине подвалов. В тяжелейший для города час мужчины и женщины были сняты с оборонительных работ, чтобы закопать четыре знаменитые конные статуи работы Клодта на Аничковом мосту [6]. Шедевры были спасены.

Никогда американцы не смогут понять ни ужас разрушений, оставленных нацистами, ни страстное стремление русских восстановить разрушенное. Американцы склонны предполагать, что тактика отступления германской армии напоминает «политику выжженной земли» русских. Это читается в заголовках американских газет. Но у русских была хорошо спланированная стратегия эвакуации и уничтожения объектов экономического и военного значения, преследовавшая одну цель — не дать врагу воспользоваться ими. Фашисты же уничтожали жилые дома, водоснабжение, все необходимое для жизни людей, депортировали трудоспособных на рабство в Германию, а оставшихся или убивали, или заражали болезнями.

Действия нацистов настолько выходят за рамки понятий современного нормального человека, что невозможно в них поверить, даже когда видишь доказательства. Не проходит дня, чтобы мои русские друзья не упомянули, что жена, сестра, ребенок убиты фашистами. Советские комиссии расследования преступлений нацистов регистрируют имена германских офицеров и даты, когда те танками давили детей, требуя, чтобы их матери выдали партизан; когда снова и снова бросали мирных людей в шахты Донбасса. Эта тактика отражала заранее продуманный план превратить «низшую расу» в народ рабов.

Страстное стремление русских восстанавливать овладевает ими, едва народная собственность снова оказывается в их руках,— это национальная жажда жизни. Это и привычка строить, на которой воспитывались молодые поколения больше двадцати лет, пока так жестоко не помешала война. На возвращенных территориях советские люди творят чудеса.

Первые шаги восстановле-

Очерк был напечатан в декабре 1944 года в американском журнале «Атлантик мансли».

[1] *В декабре 1948 года открылся для посещения.— Здесь и далее примеч. пер.*

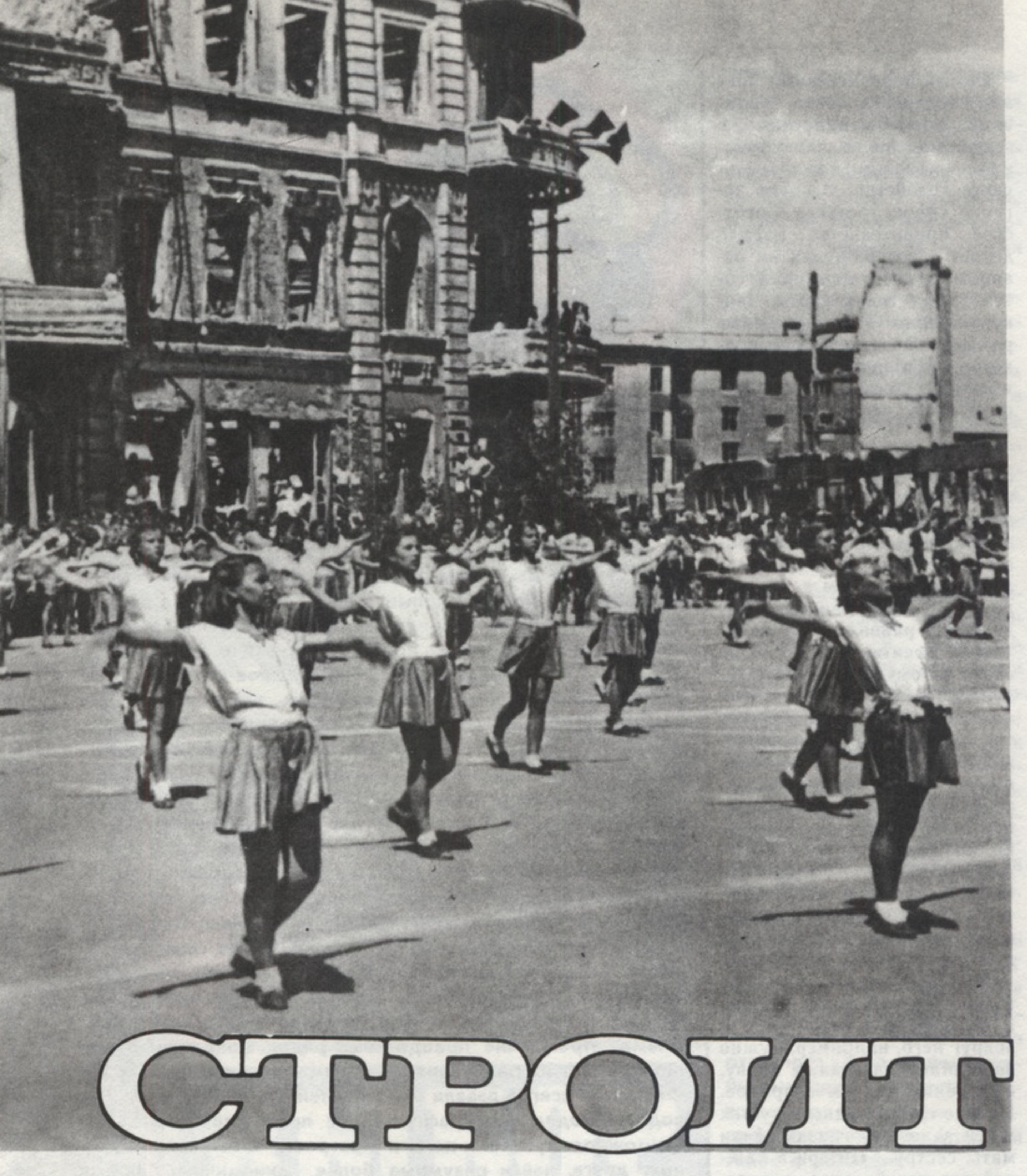
[2] *Открылся в ноябре 1945 года.*

[3] *Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова, восстановлен в 1944 году, 1 сентября открыл новый сезон; К. А. Кавос — дирижер, педагог, композитор, возглавлял оперную труппу театра в 1803—1840 годах.*

[4] *Парк Победы, первая очередь открылась в июле 1946 года.*

[5] *В декабре 1944 года в Ленинград вернулся первый эшелон с музейными экспонатами. В 1946 году уже действовали 23 музея.*

[6] *Вновь установлены на мосту в июле 1945 года.*

СТРОИТ

ния делает наступающая Красная Армия, ее инженерные войска. Среди прочего восстанавливаются и железные дороги, разрушенные отступающим врагом. Военный корреспондент Константин Симонов пишет: «Недавно ночью, в мокрую метель, проезжая через прифронтовую полосу, мы встретили у разрушенного моста бойцов первой железнодорожной бригады. Они работали яростно, остервенело, сбросив с себя шинели и ватники, несмотря на холод. Прошлым летом и осенью, разворачивая железную дорогу, взрывая за собой мосты, они прошли весь тягостный путь с запада на восток, от Киевщины до Кавказа. У них с отступлением связано было особенно тяжелое чувство. Они шли последними и рвали, рвали, рвали за собой все, что на их глазах когда-то строилось. Они рвали мосты и железные дороги, чтобы помешать врагу продвигаться вперед. Почти невыносимая тяжесть накопилась у них на душе за эти месяцы отступления, которые они исчисляли не столько днями, сколько километрами взорванных путей и взлетевших в небо пролетов. Теперь они шли вслед за армией с востока на запад и строили взорванные мосты. Они работали с яростью людей, которым очень некогда, некогда до зарезу, не только потому, что этого требует армия, но и потому, что это душевно необходимо им самим».

Этапы, по которым ведется восстановление разрушенных территорий, четко согласованы. Это комплексная программа. Когда Красная Армия освобождает город, первая задача — освободить его от мин и разлагающихся трупов. Частично это делают солдаты. Саперы разминируют главные дороги, похоронные взводы занимаются мертвыми. Но армия не стоит на месте, она стремительно продвигается вперед. А город, совершенно разрушенный и поначалу почти безлюдный, начинает жить: к нему устремляются люди. Я видела их на всех дорогах к Минску, они шли с детьми на руках, волоча убогий домашний скарб. В самом городе они выползали из щелей под обломками, оборванные, часто разутые, неделю голодавшие, с запущенными болезнями. С каждым днем население города росло на многие тысячи.

Они находили свои дома взорванными, испепеленными, они ютились по соседям и строили убежища в руинах. Ночью тысячи людей уходили за город и спали там, потому что город все еще бомбили, Минск был близко к линии фронта. Они выцарапывали на разбитых стенах: «Дарья, где ты? Я у Бондарчуков» или «Мама, зайди в горсовет. Там скажут, где я. Оля». Разбросанные семьи искали друг друга.

Но хаоса не было, хотя так могло показаться. Многие члены довоенного городского управления не прекращали своей деятельности и во время войны, пусть им и пришлось покинуть город. Они действовали согласно приказу и общему плану. Некоторые были посланы на восток вместе с эвакуированными предприятиями, институтами, детьми, некоторые возглавили городское подполье и ближние партизанские отряды.

В Минске уже через два дня после освобождения городской Совет и три районных регистрировали население и обеспечивали его работой на восстановлении города.

Разминирование большого разрушенного города — долгая и кропотливая работа. В Сталинграде и его окрестностях было обнаружено около ста тысяч мин. Их находили в посуде, в ящиках столов. В одной квартире мину подсоединили к вешалке, если бы на нее повесили пальто, был бы взрыв. Минировали пианино, которые взрывались нажатием клавиш, и граммофоны — если покрутить ручку, ящики шкафов — стоит потянуть на себя. И сегодня, полтора года спустя после освобождения, в Сталинграде все еще находят мины.

Без сомнения, легче и безопаснее построить новый город на новом месте, чем восстанавливать руины, усеянные минами, но люди хотят восстановить именно свой город, не говоря уже о географическом факторе, выверенном временем.

Пьер Кот [7], четыре месяца изучавший методы восстановительных работ русских, сказал мне, что самая серьезная

[7] *Французский министр (1933—1939), антифашист, после второй мировой войны один из организаторов Движения сторонников мира, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» 1963 года.*

проблема — это болезни, оставленные нацистами: «Они заразили целые территории, которые оккупировали». Существуют веские доказательства, что оккупанты систематически заражали оставляемые территории. Был случай, когда нацисты согнали огромное число слабых, старых и детей за колючую проволоку, после чего привезли туда больных тифом.

В каждом районе, освобожденном Красной Армией, здоровье людей было первейшей проблемой. Порой девять десятых населения нуждалось в том или ином лечении. Поэтому врачи вступали на освобожденные территории следом за армией [8]. Блестяще были проведены карантинные меры, эпидемиям не дали распространиться за пределы освобожденных районов, где болезни были быстро взяты под медицинский контроль.

Местные герои — порой даже национальные герои — рабочие, которые благодаря смекалке и настойчивости из искореженного лома создают нечто полезное. Среди электриков на Днепре прославлен монтер, который смастерил из обрывков около ста километров провода для междугородской связи. Рабочие Сталинградского тракторного завода из разбросанных по заводу частей и болтов смогли собрать целые станки.

Еще один пример инициативы граждан — Харьков, до войны огромный индустриальный центр с населением более восьмисот тысяч человек. 23 августа 43-го Красная Армия штурмом взяла Харьков. Городские власти шли следом, они прибыли с продовольствием, которое раздавали под артиллерийским огнем.

Первую партию оборудования для радио-, телефонной и телеграфной связи — конечно, вся система связи была уничтожена нацистами — доставили в город по воздуху уже на следующий день. Через четыре дня после освобождения города здесь начала выходить газета, открылись два кинотеатра, труппа знаменитого Вахтанговского театра дала концерт. Но уже не первый в Харькове: через два дня после изгнания нацистов здесь выступали артисты Киевской оперы.

Самый поразительный пример согласованности индивидуальной инициативы и государственного планирования — в восстановлении сельского хозяйства. В конце августа сорок третьего Советское правительство издало декрет о возвращении на освобожденные территории сотен тысяч голов скота, эвакуированного в восточные районы. Представители колхозов отправились на восток, вместе с ветеринарами осмотрели скот, после чего перевезли его на запад страны. Вся операция контролировалась комиссариатом сельского хозяйства, им планировались маршруты перевозок, обеспечение водой и кормами. Восточные колхозы, пользовавшиеся скотом в течение двух лет, подарили освобожденным районам дополнительно десятки тысяч голов скота, к тому же там было закуплено в кредит еще сотни тысяч голов. Одновременно государство снабдило колхозы лесом для починки помещений. Например, в Орловской области за десять зимних дней построили коровники на двадцать пять тысяч голов. Имейте в виду, что строили их люди, полураздетые и полуголодные, едва избежавшие смерти, пережившие нацистскую оккупацию.

Восстанавливать надо не только разрушенные города и деревни. В Сталинграде и вокруг него, например, нужно восстанавливать даже почву, выжженную огнем снарядов. Но еще глубже раны в душах детей, у кого на глазах убили мать, сестру... Потери в каждой советской семье, потери, которые никогда не восполнить — родные, любимые уже никогда не вернутся.

Советским людям недостаточно восстановить былое, они строят настоящее — и на разрушенной, и на не тронутой врагом земле. Они строят лучшее будущее — на это брошены все ресурсы советской земли — индивидуальная инициатива и социалистическая экономика — эти ресурсы, материальные и духовные, очень велики, так велики, что Пьер Кот после четырех месяцев пребывания в Советском Союзе сказал: «Через пятнадцать лет эта разрушенная страна не только все восстановит, но и далеко шагнет вперед».

---

[8] *Только за десять месяцев 1943 года были осмотрены 19 миллионов человек.*

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

Я всегда считал, что для того чтобы обеспечить нашей планете мир, а молодому поколению будущее, нужны широкомасштабные акции, в которых молодежь была бы заинтересована действовать сообща. Всемирные фестивали отлично зарекомендовали себя в глазах поколений послевоенной молодежи в качестве именно таких акций, объединяющих ее усилия на борьбу за свои коренные интересы и права.

Фестивальное движение всегда вселяло и будет вселять в миллионы молодых людей, независимо от их политических и религиозных убеждений, принадлежности к той или иной партии, невзирая на их расовую или национальную принадлежность, чувство исторического оптимизма, стремление преодолеть то, что их разъединяет. Фестивали всегда давали молодым людям прекрасную возможность узнать и понять друг друга, найти разумные компромиссы для совместных действий.

Фестивали, на которых я бывал, проходили в разное время: и в годы «холодной войны», и в период «отбрасывания коммунизма», и тогда, когда мы были свидетелями краха колониальных империй и ощутимых успехов политики разрядки.

У каждого фестиваля были свои герои, свои незабываемые события, в которых могучим эхом отзывались тревоги, надежды и радости народов, борющихся за лучшее будущее и подлинную справедливость. Разве можно забыть встречи на Московском фестивале с совсем еще молодым никарагуанским патриотом Карлосом Фонсекой, с отважной француженкой Раймондой Дьен, бросившейся на рельсы, чтобы преградить путь военному транспорту, груженному оружием для колониальной войны, а на следующих фестивалях — с героями победившего Вьетнама, с юностью свободной Кубы, Анголы, Мозамбика, Эфиопии. Вот уж действительно в пламени патриотической борьбы народов за свободу своих стран сверкали искры и фестивального факела.

Я глубоко убежден, что, не будь таких молодежных встреч, мир стал бы значительно беднее, скучнее и однообразнее, и если бы их проведение не стало доброй традицией, то сейчас было бы самое время их «изобрести».

И когда кое-кто берется утверждать, что подобные форумы молодежи изжили себя, потеряли былую актуальность, то это еще одна несостоятельная попытка нанести удар фестивальному движению, совместным действиям молодежи. Для нас, кто видел и знает, как поборники реакции и войны боятся фестивалей, какие силы и средства бросают на то, чтобы сорвать их, ответ однозначен. Фестиваль — это смотр боевых рядов молодежи перед новым решительным наступлением — за мир, за свои права, за социальный прогресс. Фестивали — наиболее динамичная форма сплочения сил молодых людей во всемирном масштабе во имя цели, которая дорога всем людям земли, где бы они ни жили и какой образ мыслей ни исповедовали. Эта цель — мир и дружба.

У колыбели фестивального движения молодое поколение народов, испытавших ужасы и страдания второй мировой войны, дало клятву: «Нет фашизму! Нет войне!» Разве эти слова сегодня устарели! Разве не требует нависшая над миром угроза термоядерной войны, которая способна уничтожить все живое на нашей планете, действовать сегодня в духе этой клятвы! Разве не должна молодежь мира сплотиться для решительной совместной

ВЫБОР

Карл Хайнц ШРЕДЕР

Карл Хайнц Шредер — один из ветеранов фестивального движения: он был в Берлине и Москве, Вене, Хельсинки и Софии. Сегодня он на ответственной работе в Германской коммунистической партии — секретарь ее Правления, член Президиума ГКП, но с далеких времен юности товарищи ласково зовут его Чарли. Сколько раз ему приходилось скрываться от преследований, когда компартия в ФРГ оказалась вне закона, сколько километров он прошел в колоннах демонстрантов, сколько бессонных ночей отдал составлению листовок в защиту мира, их печатанию и распространению — знает он один.

По просьбе «Ровесника» к Карлу Хайнцу Шредеру обратился корреспондент АПН в ФРГ Григорий Серебренников, запись беседы которого с активным участником пяти Всемирных фестивалей мы публикуем в этом номере.

борьбы против тех, кто организует «крестовые походы» против социализма! И уж если фестивали неизменно вызывают злобный поток клеветы врагов мира и прогресса, то значит усилия организаторов этих встреч не пропали даром.

Более того, нельзя не усмотреть жизненность и неизменную актуальность фестивального движения и в том обстоятельстве, что из его опыта произрастают новые акции, призванные сосредоточить внимание человечества на проблемах молодежи. Я имею в виду провозглашение ООН 1985 года Годом молодежи.

Для кого не очевидна органическая связь между содержанием и смыслом XII Московского фестиваля и Годом молодежи! Устранить угрозу ядерной войны, способствовать созданию таких условий, при которых молодежь могла бы с уверенностью смотреть в будущее,— разве не в этом главный смысл и предстоящей всемирной встречи в Москве, и Года молодежи!

Я знаю, молодежь моей страны не хочет, чтобы ФРГ была «пороховым погребом» и «кузницей оружия», а значит, и первой мишенью для ответного удара, ей ненавистны выходки неонацистов, которые при нынешнем правительстве заговорили в полный голос о реванше.

Когда-то после войны был популярным лозунг: «Перекуем мечи на орала!» В нашей стране сегодня он обрел конкретное содержание: «Рабочие места вместо ракет!»

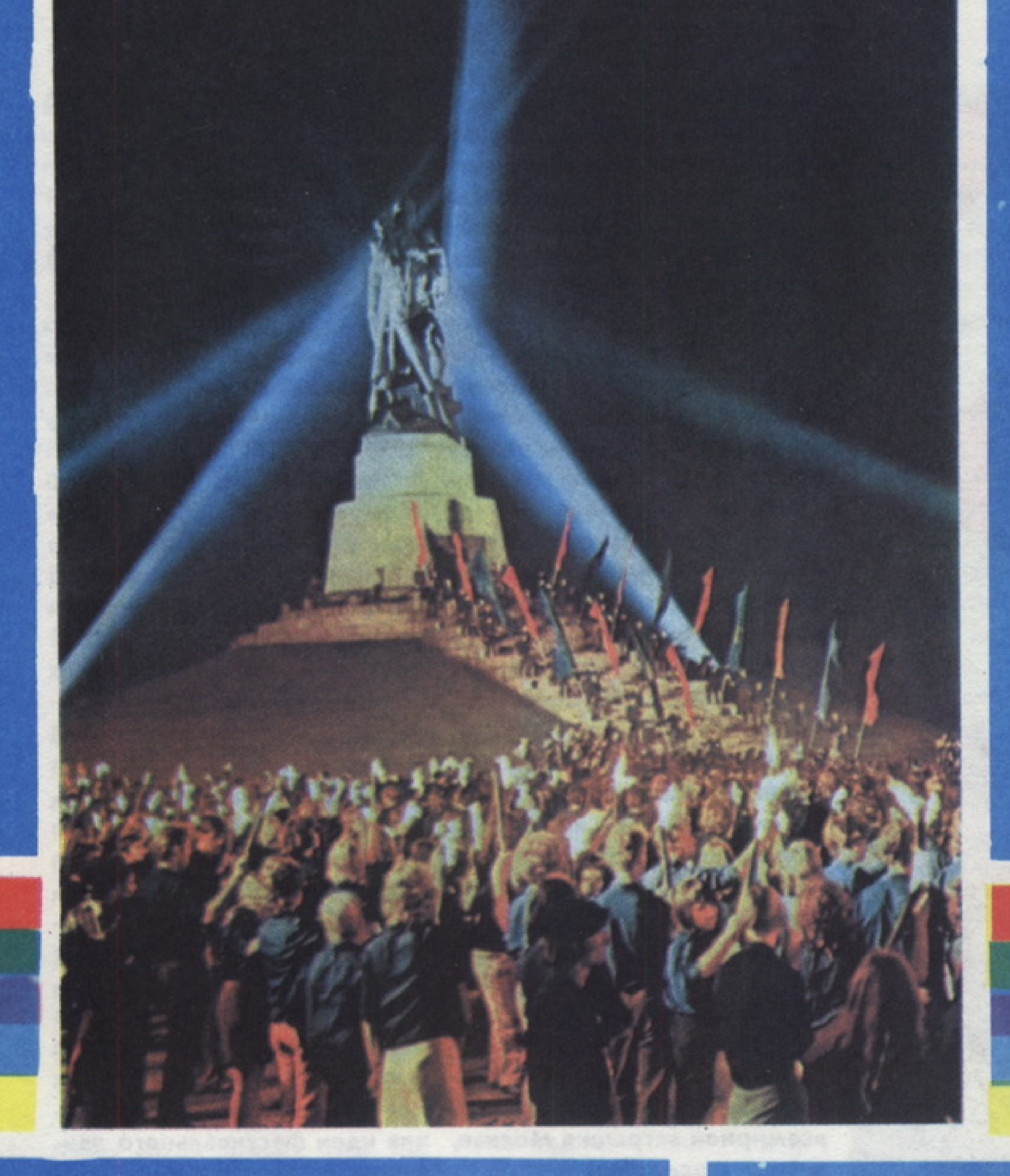
Тревога и надежда... Эти два слова, на мой взгляд, будут определяющими в нынешнем, 1985 году. Сегодня уже чувствуют все — империализм ставит мир на грань самоуничтожения. Но вседозволенность, на которую он делает ставку, не беспредельна, и это вселяет в молодые сердца надежду, что общими усилиями прогрессивное человечество сумеет отстоять мир. Тому порукой прежде всего оборонная и экономическая мощь СССР, всего социалистического лагеря, миролюбивая и последовательная политика КПСС.

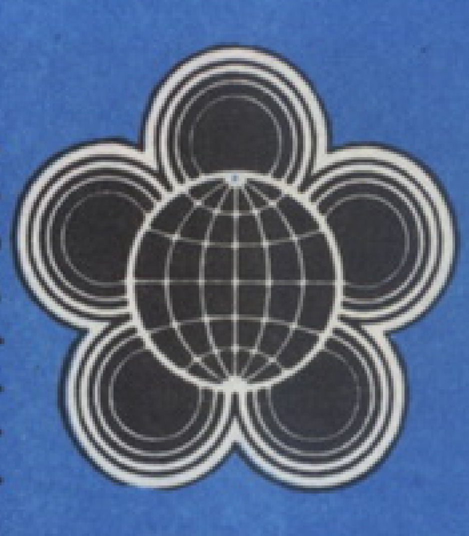
В наши дни для молодежи, особенно промышленно развитых стран, становится все яснее, что капитализм не в состоянии соединить достижения научно-технической революции с требованиями социального прогресса. Нелегко сохранить оптимизм и душевное равновесие, когда теряешь надежду получить работу и образование. Правые группировки используют отчаяние и пессимизм, вербуя в свои ряды новых членов. Но в мире, и в том числе в ФРГ, есть и другие силы. Их девиз родился как продолжение идеи фестивального движения, он подхвачен и воплощается в жизнь: «Жить не сопротивляясь не имеет смысла!»

Благодаря росту классового сознания молодежи, массовым акциям профсоюзов молодежь все чаще делает другой выбор, смысл которого формулируется на многочисленных плакатах во время демонстраций: «Тот, кто борется, может проиграть, но кто не борется, уже проиграл».

Обоснованность этого выбора широко иллюстрируется материалами, опубликованными в этом номере «Ровесника». Они о тех, кто борется и не сдается, о тех, кто испытывает страшное давление пресса социальной и расовой эксплуатации и не сгибается, и о тех, кто имеет все возможности реализовать лучшие побуждения ума и совести в условиях братской дружбы народов, строящих новое общество, о тех, кто нуждается в дружеской поддержке и помощи,— о молодых, об одном дне их жизни в Год молодежи.

БЕРЛИН. 1973.

X Всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил в Берлине с 28 июля по 5 августа 1973 года. В нем приняли участие 30 тысяч человек из 140 стран мира. Лозунг фестиваля: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!»

Молодежь должна активизировать свои действия и борьбу, объединить усилия и укрепить единство и сотрудничество, чтобы сделать наметившуюся тенденцию к миру и социальному прогрессу необратимой, сильнее, чем когда-либо, продемонстрировать антиимпериалистическую солидарность с народами, борющимися за свою национальную независимость.

Из «Призыва к молодежи мира», принятого на X Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине

ШАГИ

ХРОНИКА БЕРЛИНСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

● Во Тхи Лиен — это та самая единственная девушка, которая уцелела после расправы во вьетнамской деревне Сонгми *. В тот год ей было 12 лет. Она рассказывает: «Сейчас учусь в 9-м классе средней школы провинции Куангнгай и одновременно помогаю вместе со своими друзьями и сверстниками строить школы — ведь у нас так много разрушено. Я хочу стать врачом, хочу лечить наших детей, раненных и искалеченных во время войны. У нас многие девочки мечтают лечить раненых и ухаживать за больными. В нашей стране это вполне понятно».

* Наша справка. Сонгми, деревня в провинции Куангнгай в Южном Вьетнаме, стала символом бесчеловечной жестокости американской военщины в период агрессивной войны во Вьетнаме. 16 марта 1968 года 500 жителей деревни были расстреляны, постройки сожжены, домашний скот и посевы уничтожены. Преступление в Сонгми вызвало глубокое возмущение мировой общественности, в том числе и в США.

● Во Фридрихштадт-паласе проходили заседания трибунала «Юность обвиняет империализм».

● У мемориального памятника «Бухенвальд» состоялся митинг «Против милитаризма, фашизма, за мир и дружбу между народами».

ГОВОРЯТ ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ ФЕСТИВАЛЯ

Эрих ХОНЕККЕР, Генеральный секретарь ЦК СЕПГ (ГДР): «Когда делегаты прибудут в Берлин, они окажутся в городе, гостеприимно встречающем молодежь со всего мира, в этом городе гарантируются хорошие условия для свободного обмена мнениями и информацией».

Анджела ДЭВИС, общественная деятельница (США): «Я мечтаю о новом мире, о социалистическом мире. О мире, в котором не будет ни войн, ни расизма, ни бедности. Но мечтать — этого еще мало. Мы должны осуществить свои мечты. Именно за это я и намерена бороться».

Пьер ГАМАРРА, писатель (Франция): «Очень хорошо, что фестиваль проходит в Берлине, потому что ГДР подает хороший пример борьбы за сохранение мира».

Раймон ГОР, член президиума Всемирного Совета Мира (Бельгия): «Для всех борцов за мир фестиваль, который мы поддерживаем, является событием, заслуживающим особого внимания. Несмотря на различные взгляды, молодежь желает диалога по проблемам нашего времени, исходя из взаимного уважения различных мнений. Вместе с коммунистами, социалистами, всеми прогрессивными силами мы стремимся к общей цели: к миру и дружбе народов».

Фанни ЭДЕЛЬМАН, генеральный секретарь Международной демократической федерации женщин: «Во многих капиталистических странах женщины и девушки по-прежнему подвергаются жестокой дискриминации: им платят меньше, чем мужчинам, им труднее получить образование и т. д. Именно поэтому задачи, которые стоят перед женским демократическим движением, перед прогрессивными силами, перед фестивальным движением, остаются прежними — бороться за равные права женщин».

ХРОНИКА БЕРЛИНСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

● Отложив на время автоматы и карабины, приехали на X Всемирный в своих походных маскировочных комбинезонах молодые мозамбикские партизаны из отрядов ФРЕЛИМО, сражающиеся с португальскими колонизаторами. Когда они прошли круг почета по стадиону и расположились на трибунах, появилась делегация Португалии. Юные патриоты, уже самим фактом своего приезда на фестиваль рискующие навлечь на себя гнев фашистского премьера Каэтану, выстроились перед сектором, где сидели партизаны Мозамбика. Развернув плакат со словами «Свободу народам Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау», они скандировали лозунг сражающихся героев: «Вива ФРЕЛИМО!»

● В Трептов-парке у памятника советскому воину-освободителю состоялся митинг-реквием «Благодарим вас, советские солдаты».

ФЕСТИВАЛЯ

Имя — Махмуд Дервиш, год рождения — 1941-й, образование — среднее, гражданство — неизвестно, адреса — нет, место рождения — отсутствует, имущество — походный рюкзак. Он знает, что появился на свет в деревне Эль-Брова, но она уже давно не существует. С самого раннего детства он помнит только одно: бесконечные вереницы беженцев на пыльных дорогах да поднимающийся к небу черный дым пожарищ. В 1948 году израильские террористы уничтожили его деревню. Махмуд Дервиш — поэт Палестины. Его стихи «Вы превратили нашу страну в могилы, вы боль посеяли в наших сердцах» хорошо знакомы его народу. «Я один из решительных противников сионизма,— говорит Махмуд Дервиш.— Я считаю, что сионизм представляет опасность и для самих евреев. Но я не испытываю вражды к евреям как к людям. Эти настроения выражены в моих стихах». После 1967 года Дервиш был посажен в тюрьму. Под давлением мирового общественного мнения израильские власти были вынуждены его освободить. Махмуд Дервиш уезжает в Каир и там продолжает борьбу за свободу палестинского народа. «Уже называть себя палестинцем — значит бороться,— говорит он.— Ведь когда я потребовал у израильских властей паспорт на выезд, мне записали в графе «национальность» — «неизвестно». Махмуд Дервиш приехал в Берлин. Он представляет борющуюся Палестину.

МОСКВА. 1985

ОТТАВА. «Люди сейчас особенно ясно осознают, что речь идет в конечном счете о защите права на жизнь — основного права людей,— говорит Виктория Холлоуэй, центральный организатор Коммунистического союза молодежи Канады.— Поэтому в последние годы у нас в стране повысился интерес к фестивалям молодежи и студентов. Связано это напрямую с активизацией антивоенного движения. Канадцы, несмотря на мощный антисоветский пропагандистский нажим, особенно со стороны южного соседа, США, приходят к пониманию, что именно Советский Союз стоит во главе всеобщего движения за мир. Я надеюсь, что фестиваль в Москве даст новый толчок не только антивоенному, но и широкому демократическому движению в Канаде. Ведь он поможет молодым канадцам — выходцам из различных социальных слоев, людям разных политических и идеологических взглядов — познакомиться с достижениями реального социализма».

АККРА. «Все членские организации Всеафриканского союза студентов (ВСС) намерены принять участие в XII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве,— заявил генеральный секретарь ВСС Акото Ампау.— Мы полностью солидарны с лозунгом этого грандиозного форума молодого поколения Земли. Африканская молодежь, студенчество включились в борьбу за мир, которой охвачены все континенты. В Гвинее-Бисау по инициативе Международного союза студентов и Всеафриканского союза студентов состоялся первый в истории Африки Марш мира. Мы надеемся, что в скором будущем антивоенное движение Черного континента станет одним из активных отрядов всемирного движения в защиту мира. ВСС выражает полную уверенность в том, что предстоящий фестиваль в Москве послужит укреплению взаимопонимания и дружбы между народами».

БРАЗИЛИЯ. Жералду Перейра Барбоза, вице-президент Национального союза студентов Бразилии сказал, что молодые бразильцы с энтузиазмом восприняли весть о предстоящем XII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. В предфестивальную работу наряду с молодыми коммунистами включились Национальный союз студентов, Союз учащихся средних школ, молодежь демократических политических партий, а также некоторые слои католической молодежи, то есть практически вся молодежь республики. «Фестиваль — это прекрасная возможность для выражения мнений и обмена идеями»,— сказал Жералду Перейра Барбоза.

КИНГСТОН. Как рассказал генеральный секретарь Ямайского союза студентов, член ЦК Лиги молодых коммунистов Рабочей партии Ямайки Деланно Франклин, на острове создан Национальный подготовительный комитет, в который вошли молодежные и студенческие организации разных идеологических и политических направлений. «В своей борьбе за торжество гуманных принципов фестиваля мы сталкиваемся с большими трудностями,— отметил Деланно Франклин.— В апреле 1985 года правительство Ямайки намечает провести, в противовес московскому, антифестиваль, бóльшую часть расходов на который берут США. Задачи устроителей антифестиваля ясны: во-первых, попытаться снизить престиж предстоящего всемирного форума в Москве; во-вторых, подстегнуть антисоветскую и антикоммунистическую кампанию на Ямайке и в странах Карибского бессейна».

КОНЦЕРТ

Этого концерта в программе не было. Еще накануне они и не думали, что будут бегать по сцене, хватаясь за голову,— вечером концерт, а они только выясняют, кто что умеет.

Завтра автобусы отвезут их в аэропорт, и они полетят домой. Последний день...

Когда выходили из столовой, кто-то сказал, что просто так взять и уехать невозможно. Просто никак нельзя. Все согласились — нужно что-то придумать.

— А давайте устроим концерт,— сказала шестилетняя Лиз из Ноттингемшира.— Я знаю одну хорошую песенку и спою ее. Нас здесь вон сколько. Если каждый покажет, что он может, получится самый настоящий концерт.

И они решили устроить прощальный концерт.

ВЗЯВШИСЬ ЗА РУКИ

М. ПАВЛОВ, Л. ОГАРЕВ (фото), наши спец. корр.

ДЖОН

Меня зовут Джон Грайс. Я приехал сюда с моей Джулией и нашими мальчишками, Скотти и Джеми. Когда меня спрашивают, кем я работаю, я протягиваю свои руки. Вот, смотрите. Я забойщик. Я родился в Мексборо, это недалеко от Шеффилда, в Южном Йоркшире. Джулия тоже оттуда родом. Это довольно угрюмое местечко. Маленький рабочий город, в основном шахтерский. Одним, правда, наши места славятся. Безработицей. Чуть ли не самый высокий уровень по всей Британии. В наших местах люди из поколения в поколение становятся горняками. Вот у Джулии отец был шахтером, и дед тоже, и прадед. Мой отец, правда, был пожарником. А меня все тянуло куда-нибудь уехать. Мир хотелось посмотреть. Думал, вырасту, отправлюсь в кругосветное путешествие. И вырос. И отправился. Пошел служить в королевский флот. Стал военным моряком, служил на авианосце. Полмира повидал. Но только все получилось не так, как я представлял. Заходим мы в какой-нибудь порт, а местные смотрят на нас не очень-то дружелюбно, скорее настороженно — зачем, мол, пожаловали? В общем, не по нутру мне стало. Да и с Джулией познакомился. Отплавал свое и сошел на берег. А когда была война на Фолклендах, смотрю по телевизору — мой корабль там... Я работать люблю. Вкалываешь смену, потом идешь домой. А из труб дым идет. И думаешь, вот он, твой уголек, людям тепло дает. Знаете, что для меня самое тяжелое в этой забастовке? Работать хочется. Руки тянут.

ПОГОДА

Погода испортилась только в последние дни. До этого все три недели над пицундскими соснами не было ни облачка. Как только приехали, все сразу дружно обгорели. Кожа на плечах сходила легкой прозрачной шелухой. На деревянных лежаках устраивались будто на жаровне. Загорали, купались, возились с детьми, фотографировались, барахтаясь в прибое, а мыслями были там.

Когда однажды Джон, сбросив с лица панамку, резко сел и, щурясь от солнца, пошутил, что зима, пожалуй, предстоит пожарче, чем это пекло, никто не улыбнулся. Каждый думал о том же.

ДЖОН

Так получилось, что наша шахта «Мэнверс» забастовала самой первой. В тот день я был во вторую смену. Когда я пришел, уже никто не работал. Все были оживлены, что-то кричали. Я никогда раньше не бастовал. Не приходилось. Дома я сказал Джулии, что мы бастуем. Джулия испугалась. Я успокоил ее, что это совсем ненадолго, что наш профсоюз победит. А началось все с того, что председатель национального управления угольной промышленности Макгрегор выдвинул план сокращения добычи угля, закрытия 20 шахт и увольнения 20 тысяч рабочих. Для «сохранения рентабельности и конкурентоспособности». Такие планы могут придумывать только те, кто не боится оказаться безработным сам. Посмотрел бы я на Макгрегора, если бы предложили вышвырнуть на улицу его. И вот 12 марта в ответ на намерение правительства закрыть шахты и лишить работы 20 тысяч человек английские шахтеры объявили забастовку. Все. Поначалу правительство пыталось сохранять ледяное спокойствие. Дескать, запасов угля на сталелитейных заводах достаточно, хватит его и на электростанциях. Они надеялись, что еще до того, как в стране наступит «угольный голод», мы пойдем на попятную, ведь надо кормиться, у нас семьи, дети. К тому же с такой безработицей, а безработных в Англии больше трех миллионов, всег-

да можно найти штрейкбрехеров. Да и полиция сыграет свою роль. Они все, казалось бы, предусмотрели. Не учли только одного. Нашей решимости сражаться до конца.

ДЖУЛИЯ

В забастовке самое трудное — дети. Так ты купишь им то шоколадку, то мороженое, то конфеты. А теперь... На именины, на рождество они ждут подарков, а на что эти подарки купить, если на еду не хватает. Только вы не подумайте, что я жалуюсь. Нет-нет, я вовсе не жалуюсь. Я горжусь моим мужем. Я понимаю, как ему сейчас тяжело. Он думает, что из-за него страдают и дети и я. А я горжусь им. Он все дома своими руками делает, и полочки и мебель. А теперь, когда с весны перестал приносить зарплату домой, он стал нервным. Штрейкбрехерам платят вдвое, если не втрое больше обычного. Но эти деньги ни мне, ни моим детям не нужны. Это грязные деньги. Сначала мы как-то перебивались, немного накопили на черный день. Теперь мне удалось устроиться продавщицей в магазине. Газ, электричество, налоги, квартплата — на это уходит почти вся моя зарплата. На жизнь остается очень мало...

ДЖЕМИ

Меня зовут Джеми. Чего я хочу больше всего на свете? Чтобы был сильный-сильный ветер. Мы бы с папой пошли гулять к морю. Я выпросил бы у него зонт. А тут налетает сильный ветер, я хватаюсь за зонт, он полетел. И я вместе с ним.

ДЖОН

Раньше каждый день я ходил на работу, теперь каждый день — в пикеты. Только теперь денег домой не приношу. Как-то включаю телевизор (тогда у нас еще был телевизор, теперь пришлось его вернуть — нет денег, чтобы выплачивать кредит), а там новости. Полиция кого-то разгоняет. Крики, окровавленные лица, заломленные за спину руки. Что это? ЮАР? Сальвадор? Так это же соседняя шахта! Сообщения о стачке каждый день передаются как сводки с фронта. Это и есть фронт. Правительство объявило нам войну. Нас травят в газетах. Телевидение, радио представляет нас террористами, врагами Англии, непатриотами. Против нас принимают драконовские законы. Например, на соседнюю шахту везут штрейкбрехеров, а мы уже не можем товарищам помочь в пикетировании. Запрещено. Можно устраивать пикет только у своей шахты. На дорогах полиция ведет патрулирование. При малейшем подозрении, что ты шахтер и едешь помогать своим товарищам, тебя хватают, а машину или автобус реквизируют. Приходится добираться тайком, окольными путями. Стычки с полицией почти каждый день. Помню, как это было в первый раз в Блидуорте. В полдвенадцатого мы собрались у входа на шахту. Здесь были пикеты со всего Йоркшира. К началу смены нас собралось триста человек. Примерно столько же было и полицейских — готовятся к прибытию штрейкбрехеров. Про этих людей я даже говорить не хочу, так я их презираю. Цепь полицейских вокруг нас: стоят вплотную друг к другу. Если даже кто-то и захотел бы уйти, уже не прошел бы. Подъехали автобусы со штрейкбрехерами, их обычно привозят из других районов. Смотрят в окна, лица испуганные. Полицейские устраивают всякие провокации. В тот раз я сам видел, как какой-то парень, не наш, разбил палкой лобовое стекло в автобусе. Это был сигнал для полиции. На площадь въехали полицейские фургоны, из них выскочили здоровые парни в шлемах, вооруженные дубинками. Их специально готовят. Они набросились на нас. Я не мог поверить своим глазам. Я стоял, и у меня в голове не укладывалось, что такое может происходить у нас, в Англии. А эти молодчики подбежали ко мне и повалили на землю. Один из них просунул мне дубинку под подбородок — я чуть не задохнулся, а остальные побежали дальше. Тут подлетел еще один полицейский и стал бить меня дубинкой по спине, по ногам, в живот. Я хрипел от ярости и боли, а сделать ничего не мог. Они потащили меня в фургон. Наши подбежали, мне удалось вырваться. Поймите меня правильно, я против беспорядка. Я вообще всегда старался держаться от политики подальше. Но так получилось, что жить и держаться подальше от политики никак не выходит...

СКОТТИ

У нас в школе все поделились: дети тех, кто бастует и поддерживает забастовку, и тех, кто против. Учителя и те поделились. Есть такие, делают вид, что ничего не происходит. А другие прямо в классе издеваются над шахтерами, говорят, что их надо хорошенько проучить. Я встал и сказал, что у них на уроках не буду отвечать. Ребята меня поддержали. Мы объявили забастовку. Я думал, папа обрадуется, что мы поддерживаем шахтеров, а он рассердился. Сказал, что лучшая помощь, если я буду хорошо учиться. Мы организовали свой комитет и объявили бойкот детям штрейкбрехеров. До драк доходит. Отец домой приходит усталый, мрачный. Ну что ты, говорю ему, папа, мы победим, вот увидишь!

УДОЧКА

Как-то Скотти пошел к пристани для прогулочных пароходиков, а там, свесив ноги, сидел мальчишка. В руках удочка, а в полиэтиленовом пакете что-то шевелилось. И Скотти понял, что, если он не поудит рыбу, он просто умрет. Он стоял, смотрел, как из зелени волн выпрыгивают на поверхность одна за другой серебристые рыбки и бьются на изогнувшейся удочке о воздух, как монетки об асфальт, и чувствовал, как он умирает.

Мальчишка что-то крикнул. Скотти подумал, что он мешает и мальчишка его прогоняет. Но тот помахал рукой. И Скотти понял, что такое счастье.

На балконе появились гирлянды сушеных рыбешек, они болтались на леске, как бельевые прищепки.

В последний день волны на пляже добираются до самых зонтиков, дождь хлещет по лужам, а пальмы вот-вот вырвет ветер и унесет, Скотти весь мокрый бежит на пристань, но там никого. А когда возвращается в корпус, у входа ждет его друг, тоже промокший и с удочкой.

— На, держи. Самая лучшая удочка на свете.

ДЖОН

Мы зовем их «скэбз». Грязные люди, предатели. Где-то их больше, где-то меньше. На нашей шахте таких нашлось пятеро. А в Блидуорте из девятисот человек бастуют только пятьсот. Как бы вам объяснить, что такое штрейкбрехеры? Всего по стране примерно 20 процентов горняков продолжают работать, не бастуют. Если бы не штрейкбрехеры, мы победили бы сразу. А так на переговорах с администрацией профсоюзы не в самых благоприятных условиях. Сначала мы пытались убедить их, что наша сила только в единстве и что завтра они тоже могут оказаться на улице. Я сам ходил по домам и хотел втолковать им, что забастовка рано или поздно кончится, а жизнь будет продолжаться. Как они будут жить после всего происшедшего среди нас? А пока каждый день они спускаются в шахту, впятером, и, кроме еженедельной получки, получают конверты с премиальными за предательство. Я не видел их уже несколько месяцев. Их жены не ходят в магазин, они не выходят на ули-

цу, боятся выходить из дома. Полиция охраняет их, чтобы бастующие шахтеры им что-нибудь не сделали. Да кому они нужны. Если я увижу кого-нибудь из них, я даже не плюну в его сторону, так я их презираю. Вся страна раскололась на два лагеря, чего уж говорить о нашем городке. От этой забастовки страдают и владельцы лавок и пивных кабачков. У них никто ничего не покупает — нет денег. Одни ненавидят нас. Но есть и такие, кто поддерживает наши семьи чем может: продукты в кредит, бензин. Если бы нас не поддерживали, мы бы не продержались. Есть рабочая солидарность. Иначе как бы 140 тысяч человек продержались? А мы держимся уже столько времени и будем держаться до победы. Нас поддерживают и металлурги и железнодорожники. С середины августа забастовали докеры, многие крупные порты страны оказались парализованы. А помощь горняков других стран, в том числе и советских! Как мы обрадовались, когда узнали, что советские шахтеры пригласили английских горняков отдохнуть с семьями в профсоюзных домах отдыха на Черноморском побережье Кавказа, в Пицунде. Побывать в Советском Союзе, да еще с семьей. Желающих было, конечно, больше, чем мест, на нашей шахте мы тянули жребий. Счастье выпало мне. Не знаю почему. Не думаю, что эту поездку я заслужил больше, чем любой из моих товарищей. Они хлопали меня по плечу и говорили, чтобы я отдохнул там за всех. Конечно, я хотел поехать сюда не только затем, чтобы купаться и загорать. Ваша страна для нас всех — особая. С детства телевидение, газеты, кино, а тем более, когда я уже служил на флоте, нам внушали, что Советский Союз хочет войны, что он постоянно угрожает и Англии и всему миру. В мозгу доверчивого англичанина СССР должен представляться страной вечной зимы, где мужики в тулупах и шапках-ушанках ходят по улицам с оружием, а кто не в тулупе, тот в военной форме. Здесь все это кажется смешным. Но в Англии есть люди, которые верят такому вранью. Я никогда этому не верил, а теперь и доказать в споре могу: сам видел, какое вранье нам вдалбливают по радио, телевидению, в газетах.

КОСТЕР

Однажды вечером они гуляли по берегу. Джон, Джулия и мальчишки. У последнего корпуса кто-то развел костер. Джон и Джулия подсели к огню. Скотти притащил коряги, выброшенные морем, и пламя побежало по дереву, высушенному за день солнцем. Прямо над костром висела луна. Джеми бегал по берегу, пораженный открытием, что лунная дорожка бегает за ним. Костер прогорал, и островок тепла и света на пустынном ночном пляже становился все меньше и меньше. Кто-то пришел из темноты и принес охапку сучьев. Костер захрустел и снова стал расти. Потом подошел кто-то еще и еще. На пляже в ночной темноте выросла целая поляна, рыжая от костра. На ней сидели кружком, бок о бок люди, говорили на английском, русском, грузинском, немецком и смотрели на огонь. Они приехали сюда со всего света и не знали друг друга. Огонь трещал, соединяя их всех в одно целое, и было жарко и легко.

ДЖУЛИЯ

Я знаю только: если хочешь победить, нужно бороться. Когда наши мужья в пикетах, мы, жены и сестры забастовщиков, должны тоже что-то сделать для победы. В поселке мы организовали совместную кухню. На деньги профсоюза покупаем продукты и готовим пищу: можно прийти с детьми и бесплатно поесть. Нашей семье еще хорошо — я работаю. А как быть тем, у кого нет близких. Но ведь мы теперь все друг другу близкие. И до забастовки я знала почти всех в нашем городке. Но что я знала? Только как кого зовут и кто кому кем приходится. В этой забастовке каждый стал тем, кто он есть на самом деле. Те, кто бастует, стали теперь одной семьей. Но у нас много врагов. Незадолго перед поездкой в Советский Союз ночью в наше окно кто-то бросил камень. Хорошо, что дети не пострадали. А что будет дальше? Дальше мы победим, чего бы нам это ни стоило. У нас просто нет иного выхода.

ВИНОГРАД

— Я уборщица ваша. Искала переводчицу, а ее нет нигде, ну я вам так объясню. Хорошо, что я вас застала, а то тут концерт, думаю, вдруг вы уже ушли. Я чего пришла-то. После смены сижу вчера телевизор смотрю, а там по «Времени» про вашу забастовку показывают. И как избивают. Так это же, думаю, мои. У нас виноград как раз поспел. Так я вам тут принесла. Вот, берите, не стесняйтесь. Да вы ешьте, ешьте.

кой огромный, что его внесли двое здоровых мужчин в белых колпаках и его хватило на всех.

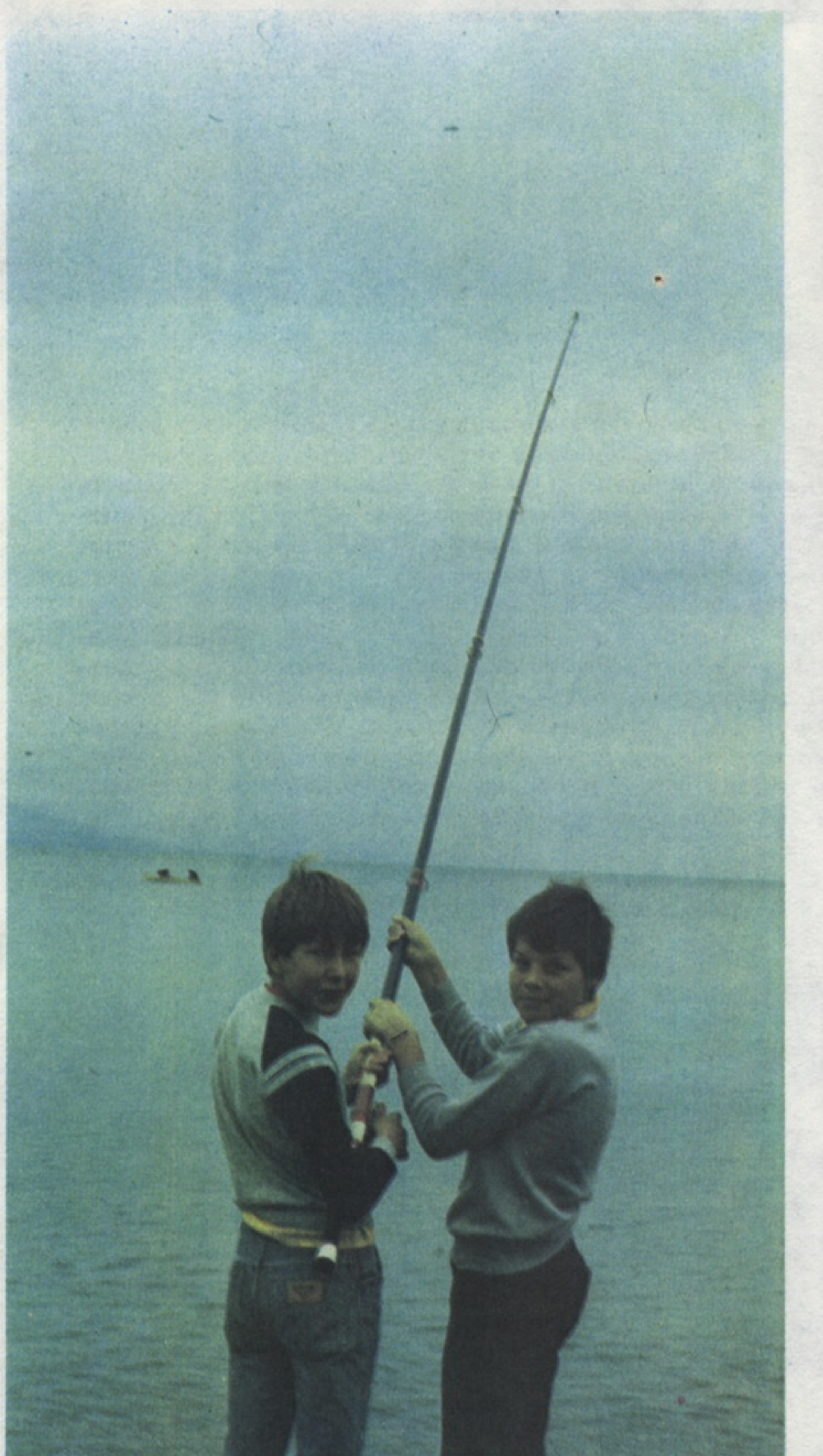
ПЕСНЯ

Концерт продолжался до позднего вечера. Артистов не отпускали. Перед началом кто-то испугался, а вдруг никто не придет. Его подтолкнули к щелке в занавесе. Огромный зал был набит до отказа — стояли у стен, сидели на полу у самой сцены.

Они выступали, как выступают люди, первый раз оказавшиеся в лучах рампы перед зрителями. Стеснялись, забывали слова, смеялись над собственной бестолковостью. Им хлопали в ладоши так, что этим аплодисментам позавидовали бы и звезды эстрады. Они давно спели и станцевали все, что приготовили, а их все не отпускали, хлопали и хлопали. Никто не знал, что делать, они стояли на сцене и тоже хлопали в ладоши. Джулия вдруг заметила, что она плачет. Смеется и плачет. Джон подошел к микрофону.

— Мы не артисты,— сказал он.— Но вы это и сами поняли. Мы просто хотели сказать вам спасибо. За то, что мы тут увидели и пережили. Мы понимаем, что наш отдых здесь — это не акт благотворительности. Вы помогаете нам, как помогают друг другу в трудную минуту друзья. Ваша страна, тепло ее людей запомнятся нам на всю жизнь. Сейчас не рождество. Но я хочу спеть рождественскую песню. Ее поют, взявшись за руки, только в кругу семьи, только с родными, с самыми близкими и дорогими людьми.

И они запели, взявшись за руки.

КОНКУРС

Детям раздали по набору цветных мелков и разделили площадь перед корпусами на квадраты. Лучший рисунок должен был получить приз. С ног до головы перепачканные мелом, они рисовали страстно. По границам квадратов, осторожно, как по канатам, ходили взрослые. Все рисовали небо и море, и синие мелки скоро кончились.

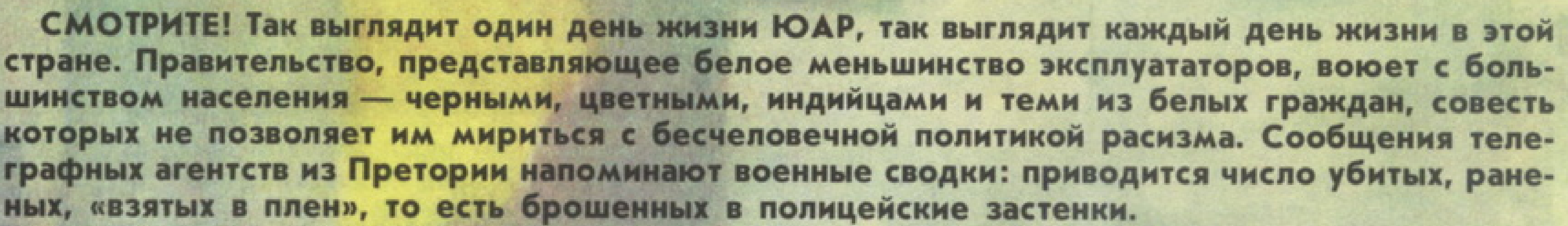
Высунув от усердия язык и потирая оцарапанные об асфальт коленки, Джеми рисовал себя летящим под зонтиком. Конкурс назывался «В каждом рисунке солнце». Члены жюри ходили с блокнотами по рядам, потом долго смотрели на его рисунок — а где же солнце? И Джеми подумал, что ему не видать приза как своих ушей. Но пририсовывать солнце не стал. Раз зонт — значит, идет дождь, верно?

Призом оказался торт, та-

В ДОСЬЕ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРИБУНАЛА НА XII ВСЕМИРНОМ

СМОТРИТЕ! Так выглядит один день жизни ЮАР, так выглядит каждый день жизни в этой стране. Правительство, представляющее белое меньшинство эксплуататоров, воюет с большинством населения — черными, цветными, индийцами и теми из белых граждан, совесть которых не позволяет им мириться с бесчеловечной политикой расизма. Сообщения телеграфных агентств из Претории напоминают военные сводки: приводится число убитых, раненых, «взятых в плен», то есть брошенных в полицейские застенки.

Уже не раз ООН принимала решения, осуждающие расизм и его наиболее зловещее проявление — апартеид. В ответ власти Претории пытаются обмануть мировое общественное мнение, скрывая свои чудовищные преступления за фальшивым фасадом реформ. Но им удается «обмануть» только тех, кто хочет быть обманутым,— своих империалистических партнеров в США, которые видят в расистах ЮАР верных подручных в «крестовом походе» против социализма и национально-освободительного движения. Вот почему прогрессивные силы мира, Южно-Африканская коммунистическая партия и Африканский национальный конгресс настойчиво требуют: «Долой апартеид и его империалистических покровителей!»

Дорогие друзья!

У меня нет никакого писательского дара, но моя жизнь, полная лишений, навела меня на мысль написать автобиографию. Мой жизненный опыт убедил меня, что истинный и здоровый прогресс на нашей планете может существовать только на основе научного социализма...

С наилучшими пожеланиями,

Перпиньян, Франция *Жорж БОШ*

Перед вами не слишком веселая история моей жизни, и мне кажется, что жизнь эта кончается...

Я родом из Перпиньяна. Мой отец — француз, мать — испанка, каталонка. В Испании, недалеко от Жероны, у матери был дом, доставшийся ей по наследству. Там мои родители и прожили большую часть своей жизни. Отец работал в Сьеже на заводе компании «Паламос Армстронг—Америкэн». Когда мне исполнилось семь лет и я стал ходить в школу, у отца начались неприятности с местными властями, его притесняли за левые взгляды и за то, что он отказался принять испанское гражданство. По-моему, в обоих случаях он поступал правильно. Но как часто правильные поступки и честные взгляды становятся причиной неприятностей. Отец остался без оформленных должным образом документов, ему грозил арест.

Родителям пришлось уехать во Францию. Перед ними встала проблема поиска работы и жилья, мне же было особенно тяжело: я жил, страшно тоскуя по моей каталонской земле, я потерял прежних друзей, потерял язык, на котором говорил с рождения. В возрасте семи лет я совершенно не умел ни говорить, ни читать, ни писать по-французски. Я пишу об этом, думая о бедных детях эмигрантов всего мира, которых мне искренно жаль.

Не зная ни слова по-французски, я, естественно, не мог угнаться за своими сверстниками, и меня перевели в школу для умственно отсталых детей. Я очень старался и через два или три года стал первым по успеваемости. Напомню, что в этой школе ученик считался умственно отсталым, даже если был лучшим. Его держали в школе до 16 лет, а затем отправляли на простейшие работы. Каково же было мое изумление, когда мне в порядке исключения разрешили поступить в учебное заведение не для умственно отсталых, а для нормальных подростков.

В новой школе я тоже старался учиться хорошо. И добился того, что стал первым учеником. Когда же я получил свидетельство об успешном окончании школы, для меня и для моих учителей это было большой радостью.

Я пишу об этом незначительном, в общем-то, событии, потому что больше таких радостей в моей жизни почти не было. Мой жизненный опыт печален, и, что бы мне ни говорили, я убежден: для преуспеяния в жизни, к сожалению, недостаточно желания и доброй воли. Для этого необходима протекция и деньги, у меня же никогда не было ни того, ни другого, впрочем, тем лучше. Я предпочитаю оставаться самим собой, может быть, я не достиг блестящего положения, но зато я жил достойно, в отличие от многих «преуспевших», которые добились в жизни блестящих успехов, не будучи достойными людьми.

В течение года мы жили у старой тетки отца, приютившей нас, когда мы приехали из Испании. Она приняла нас главным образом для того, чтобы всячески угнетать, она все всегда решала за нас, а мы должны были молчать и подчиняться — ведь мы были в ее власти, она могла выбросить нас на улицу.

Тетка нашла для нас жилье: родителей взяли в качестве прислуги в дом крупных буржуа. Мы ютились в лачуге без самых элементарных удобств. Хозяева воспользовались нашей страшной нуждой, чтобы нечеловечески эксплуатировать нас. У этих буржуа был большой магазин и контора. Так вот, в течение многих и многих лет мы были обязаны мыть две лестницы, четыре этажа, огромные лестничные площадки, коридоры, холлы, чистить медные ручки, выносить мусор, носить газеты и так далее и тому подобное — и все это даром, только за то, чтобы иметь возможность жить в жалкой конуре! Родителям и мне пришлось найти еще работу в другом месте, чтобы как-то сводить концы с концами. Наши хозяева были этим крайне недовольны: им не нравилось, что мы уходим из дома, а их имущество остается без присмотра.

Мы прожили у этих буржуа до 1979 года. Последние десять лет они заставляли нас платить за квартиру 300 франков в месяц, объясняя это тем, что жизнь, дескать, стала слишком дорогой.

Всем, кто утверждает, что буржуазия якобы стала в наши дни «мягче» по сравнению с тем, какой она была в прежние времена, я сказал бы: все обстоит как раз наоборот. Целых двадцать три года мы тяжко и преданно работали на этих буржуа, не получая за это практически ничего!

Все эти годы мы жили в страшно подавленном и униженном состоянии. Я глупо противоречил во всем родителям, они тоже по пустякам препирались между собой: на нас всех действовала гнетущая обстановка жизни из милости, как нам постоянно твердили хозяева. Я ни в чем не соглашался с отцом, в частности не принимал его левые взгляды. Теперь я не могу понять, почему так получалось, наверное, я был отравлен самим воздухом нашей конуры. А когда я понял, что отец был прав, что он был честный, достойный человек, его уже не было в живых, и я не успел ему сказать об этом. Сейчас я горько сожалею, что так получилось.

Итак, я закончил школу, даже отучился год в коллеже. Продолжать учиться, как мне хотелось, я не смог. Денег у меня не было, у родителей тоже. Я не хотел сидеть у них на шее и вскоре нашел место ученика в аптеке. Аптекарь и его помощник ничему меня не учили. Их вполне устраивало, чтобы я занимался уборкой и был на побегушках. Но я, к удивлению моего нанимателя, самостоятельно добился больших успехов в освоении профессии фармацевта и готовился поступить на курсы.

Я сдал вступительный письменный экзамен в Перпиньяне, а экзамен по практическим навыкам должен был состояться через несколько дней в другом городе, в Монпелье. Но для этого, представьте себе, нужно было ухитриться привезти туда все необходимое, чтобы показать свое умение готовить лекарства, причем все препараты нужно было купить за свой счет.

Я провалился, хотя и обладал хорошими практическими навыками. Самое несправедливое заключается в том, что другие допустили во время экзамена грубейшие ошибки и все же были приняты, так как имели протекцию, были детьми аптекарей или других состоятельных людей.

Когда я вернулся с экзамена, хозяин уволил меня, ему нужен был мальчик на побегушках, которому можно было платить гораздо меньше. Я нигде не смог найти работу — во всех аптеках требовались либо очень молодые ученики, либо люди со специальным образованием.

Я стал готовиться к конкурсу на должность служащего мэрии и одновременно к конкурсу служащего министерства связи. Я выдержал его, был принят, но меня мобилизовали в армию, и я должен был отправиться на военную службу. Меня заверили, что место останется за мной, что, возвратившись из армии, я должен буду только пройти медицинскую комиссию. (Конкурс на должность в мэрии проходил тогда, когда я уже был в армии.) Когда же я вернулся, оказалось, что мне придется снова проходить конкурс, а обещанное мне место уже занято другим. Я был так подавлен этой несправедливостью, что у меня не хватило сил снова сдавать экзамены. К тому же на военной службе я испортил себе зрение.

Мне удалось найти работу на аптекарском складе. Вскоре я внезапно совершенно перестал видеть левым глазом. Каков же был мой ужас, когда окулист сказал мне, что у меня катаракта и атрофия глазной оболочки обоих глаз.

Примерно в это же время с матерью тоже случилось несчастье. В нашем нищенском жилище была очень крутая лестница без перил, и однажды то, что и должно было случиться, случилось — она упала с большой высоты. Она могла разбиться насмерть, но, к счастью, осталась жива, только сильно поранила голову. Этими горестными событиями наши несчастья не закончились — начались проблемы с моим зрением.

Я нашел врача, который после длительного лечения в ноябре 1973 года сделал мне более или менее успешную операцию на левом глазу. Но обстоятельства нашей жизни, наша бедность лишили меня послеоперационного ухода. Да еще нам не удалось ула-

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

Жорж БОШ

дить отношения со службами социального обеспечения. Мне не дали пособия. Я остался без работы и без возможности работать, и у меня не было никаких средств к существованию. Потом другой окулист установил мою нетрудоспособность, это позволило мне добиться очень скромного пособия. Мне трудно читать и писать, я хорошо рисую, но не могу заниматься рисованием, потому что плохо вижу.

В 1979 году мы нашли наконец квартиру и выбрались из прежней своей конуры. Но не успели мы вздохнуть свободно, как заболел мой бедный отец — он и года не прожил на новом месте. Его забрали в больницу, где после операции он скончался.

Вся наша жизнь была заполнена горестями и неудачами, хотя отца всегда ценили на работе как умелого мастера, мать работала не покладая рук, а я, как уже рассказал, старался хорошо учиться и работать.

Я не сказал еще ничего о моем старшем брате, который вместе со своей семьей тоже живет в Перпиньяне. Мои родители и я всегда были очень близки и с ним, и с его женой, и детьми, которых я очень уважаю. Говорю все это совершенно искренно, без всякой задней мысли. Потом между нами произошла ссора. Однажды у нас зашел разговор о сыне моего старшего брата, моем племяннике. И вот мой брат сказал, что сын его дурак, что он не умеет устраивать свои дела и так далее. Я же просто ответил, что согласен с ним, но что все это связано в значительной мере с плохим образованием. А плохое образование проистекает от неправильной политики, которая проводится капиталистическими правительствами. Я также добавил, что существуют страны, где такого не происходит и что для нормальной и справедливой жизни граждан в стране необходима правильная политика. Потому что политика влияет на все, умный человек не станет отрицать этого. Внезапно брат пришел в ярость и властным голосом сказал, что в его доме не занимаются политикой. «Заткнись и убирайся вон»,— сказал мой брат. Пораженный, я ушел и не вернусь туда больше, потому что, клянусь, я не сказал ничего плохого, мне не в чем упрекнуть себя. В жизни надо прямо говорить обо всем, по крайней мере так поступают нормальные люди.

Жизнь моих родителей и моя растоптана несправедливой системой. И сейчас лучше, чем когда бы то ни было раньше, я понимаю отца, который придерживался левых взглядов в политике. Я не должен бояться признать, что несчастья, которые сокрушили жизнь нашей семьи, заставили меня многое понять, чего, например, боится признать мой брат. Ведь бóльшую часть наших бед нельзя объяснить, как это часто делают, фатальным невезением или отсутствием доброй воли с нашей стороны. Виной всему жестокая и крайне удручающая любого человека несправедливость, жертвами которой мы были и остаемся до сих пор. И еще я думаю о том, что мы, к сожалению, не имеем возможности свободно решать, что мы хотим делать и как мы хотим жить, вся окружающая нас жизнь давит на нас.

Перевела с французского
С. СУХАЯ

— На этом острове живут одни Робинзоны,— сказал пятнадцатилетний Джойс. Мы стояли на вершине острова Сент-Анн, слушая шорох волн у пустынного песчаного берега, полосатого от кокосовых пальм, отбрасывающих длинные тени. Зажмуриваю глаза от солнечных горошин, которыми слепит Индийский океан. Черный парус на горизонте усиливает ощущение края света. До Африки, самого близкого континента, полторы тысячи километров, а тут ни причала, ни рельсов, ни взлетно-посадочной полосы. Добираются сюда на мотоботе с соседнего острова Маэ. Мотобот, приближаясь, заскрежещет о песчаное дно, давая пассажирам знак перебраться в лодку, если подоспели островитяне, или, подняв над головой вещи, прошлепать к берегу в теплой воде.

— Кто же у вас за Пятницу?

В заоблачной выси послышался гул самолета, я вскинул голову, как на голос родного человека, провожая еле видимую точку, пока она не растворилась в синеве неба и воды. А мой спутник, выросший на островах, даже бровью не повел: самолетный гул не обременяет его воспоминаниями и воспринимается как природное явление, вроде раската грома.

— Так кто же у Робинзонов за Пятниц? — повторил я.

— Мы все тут Пятницы друг для друга.

Мне давно хотелось побывать на Сент-Анн, одном из первых островков, обнаруженных европейцами при открытии Сейшел [1]. Еще недавно сюда стремились искатели приключений со всего мира. Они занимались подводной охотой и вывозили редкие виды раковин — Императорскую Арфу, Гребень Венеры, Дворцовый Конус... Теперь в этих водах никто не промышляет, акватория объявлена морским национальным парком. А на острове Сент-Анн проводится смелый социальный эксперимент: островок отдан восьмистам сейшельцам пятнадцати-семнадцати лет в полное их владение на два года. Все они в голубых рубашках, в синих шортах или в коротких юбчонках, с эмблемой НМС на поясах. НМС — Национальная молодежная служба.

Пожилая женщина, подметавшая по утрам пляж на острове Маэ у отеля Бю-Валлон, рассказывала о непутевом сыне, как он пропадал по ночам на этом пляже или в баре, развлекая с дружками богатых европейских туристов. Так вели себя в колониальные времена молодые сейшельцы, тянувшиеся к чужой, заманчивой, недоступной для них жизни. После девятого класса сына уговорили пойти в молодежный лагерь. Через два года это был другой человек. «Мама,— говорил он,— мы все должны быть друг другу как братья и сестры».

Перед отплытием на Сент-Анн я был у министра обороны и по делам молодежи Республики Сейшельские Острова Огилви Берлуи. Может быть, самая трудная наша задача, сказал министр, заключается в том, чтобы освободить общество от колониального сознания, которое насаждалось на островах две сотни лет. От чувства второсортности, от неуверенности в себе, от готовности прислужничать и угодничать. «Нам хочется видеть молодежь самостоятельно мыслящую, способную опираться на свои силы, уважающую тех, кто трудом зарабатывает на жизнь, независимо от того, умственный это труд или физический. Мы надеемся, что Национальная молодежная служба поможет укрепить в стране социалистический дух».

На мотоботе, уходившем от Длинного пирса в сторону Сент-Анн, оказалась Пела Пайет, администратор островного молодежного лагеря. Мать троих детей, по профессии педагог, она много лет работала в школах на маленьких островах и знает психологию подростков. В лагере, говорила она, все на самообслуживании: убрать за собою постель, приготовить еду, помыть посуду, подмести пол, постирать белье... Два года надо жить в коллективе, где все равны, ни у кого нет преимуществ, никому нет дела до того, кто твой отец. У всех равные права и одинаковые обязанности.

Раз в месяц, на субботу и воскресенье, ребята отправляются на мотоботе к Маэ или к Пралену, где кто живет, навестить родных. По возвращении обязателен ими самими установленный таможенный досмотр: нельзя завозить в лагерь спиртное, табак, предметы роскоши. Однажды у девушки, вернувшейся из дома, в сумке обнаружили дорогие духи. Ребята отложили духи в сторону, а девушка в слезы: «Почему нельзя?» — «Этого нет у твоих подруг».— «Мне мама подарила!» — «Через месяц поедешь домой и отвезешь духи». Рассказав этот эпизод, Пела Пайет добавила, что порядок, принятый ребятами, справедлив хотя бы в том смысле, что материальное неравенство, еще существующее в обществе, не должно бросать даже тень на взаимоотношения молодых людей, решивших жить как равные друг другу.

— Джойс,— сказала Пела Пайет длинноногому курчавому пареньку, когда мы ступили на берег,— у тебя, кажется, час отдыха, покажи гостю Сент-Анн.

— О'кэй, — ответил Джойс,— но хочу признаться, что редко бываю так занят, как в свои свободные часы.

Пока мы поднимались по тропе, Джойс рассказывал, что на Сейшелах в школу ходить обязательно, и, если бы он пропускал уроки, ему бы за это ничего не было, а родителям досталось: их бы оштрафовали на тысячу рупий и обоих препроводили бы в тюрьму на три месяца. «За что?» — не понял я. «У нас считают, если семья растит неграмотного, она совершает перед обществом преступление».— «Значит, девять лет ты героически спасал родителей от тюрьмы?» — «Да, но мне это было не в тягость».

На кукурузном поле обнаженные по пояс мальчишки отламывали от стеблей желтеющие початки и натренированным движением бросали не глядя в тростниковые корзины. Все ребята и девочки в лагере — члены островного сельскохозяйственного кооператива. И

---

[1] *Республика Сейшельские Острова — государство в западной части Индийского океана, состоит из группы островов, население около 80 тысяч человек: креолы (потомки первых французских поселенцев, освобожденных африканских рабов и др.), африканцы, индийцы, китайцы и небольшое число европейцев, официальный язык английский, население говорит на креольском диалекте, столица и главный порт Виктория. Сейшельские острова были открыты португальцами в начале XVI века, в XVIII веке их захватили французы, в 1794 году завоевала Англия. После многолетней борьбы 28 июня 1976 года Сейшелы получили независимость. В 1979 году принята новая конституция. Правительство страны провозгласило программу прогрессивных социально-экономических преобразований.*

РОБИНЗОНЫ С ОСТРОВА СЕНТ-АНН

Леонид ШИНКАРЕВ,
корреспондент «Известий» —
для «Ровесника»

хотя только некоторые росли в крестьянских семьях и знали, как работать на земле, никто не освобожден от ежедневного труда в поле или на фермах, где держат птиц и свиней. Трое ребят с корзинами на плечах шли к обочине, где их поджидал трактор. Они опустили корзины наземь и стали вытирать ладонями мокрые лица.

Джойс познакомил меня с ними.

— Максим с Амирантских островов. Сын сборщика птичьих яиц.

— Адам с острова Ла-Диг. Внук последнего пирата.

— Шарль с острова Силуэт. Правнук сейшельского раба.

Может быть, Джойс шутил, не знаю, но ребята смотрели в глаза так открыто и честно, как смотрят люди, которым нечего скрывать. Они не были похожи на беззаботных пейзан, каких легко вообразить на экзотическом фоне острова. Их плечи круты, их крупные руки в ссадинах, и по всему видно, что им приходится тащить на себе островное хозяйство. Больше некому. На это и рассчитывает правительство, призывая опираться на собственные силы, чтобы постепенно в масштабах страны освободить экономику от иностранных предпринимателей, которым до сих пор принадлежат многие предприятия.

Тут надо пахать, сеять, убирать урожай не понарошку, не отметки ради, а чтобы утром была еда на столе. Эта неизбежность заставляет городских ребят ходить на сельскохозяйственные курсы, а основная часть занятий проходит на плантациях и в открытом море: в кооперативе всегда есть свежая рыба.

Полчаса спустя мы с Джойсом приближались к лагерю, похожему на наш пионерский, с гаревыми дорожками и площадкой для подъема флага. На веранде юные креолки устроили парикмахерскую. Верховодила девушка лет семнадцати с проволочными колечками в ушах. Невозмутимая как жрица, она восседала на табурете, над ее головой трудились подруги, к ней тянулись за советом, и когда она улыбалась, веранда хохотала.

— Кто это?

— Лучшая у нас танцовщица сеги.

Мы подошли к дому, где живет Джойс. Не знаю, кто проектировал эти дома, но по тому, как расположены под одною крышей три квартиры, объединенные открытой верандой, кухней и столовой, как безошибочно выбраны места для умывальников, прачечных, душевых, чувствовалось, что архитекторы задумали дома на Сент-Анн не как место для ночлега, а как среду обитания: в доме пятьдесят четыре юноши (или девушки), не стесняя друг друга, могут побыть наедине, встретиться с друзьями, обсудить вопросы, касающиеся всех. Атмосфера дома требует от каждого проявлять свой трудовой и общественный дух.

— Что же,— не выдержал я,— на острове нет эгоистов, сачков, нерях, растяп, неумех, маменькиных сынков или дочек?

— Почему же,— ответил Джойс,— бывают всякие.

— И что же?

— Мы их учим.

— Ты хотел сказать, «наказываем»?

— Нет, учим: показываем, как следовало поступить.

В комнате Джойса три двухъярусные койки, полки с книгами, столик у окна. Ребята в комнате засуетились, застигнутые врасплох появлением незнакомца. Когда мы пожали друг другу руки и уселись, они продолжили свои дела — один пришивал пуговицу к рубашке, второй штопал носок, третий вырезал ножом деревянную ложку. Я спросил, не трудновато ли им здесь, в отрыве от дома?

— Тут интересно, мы все вместе.

— Две недели можно присматриваться: понравилось — остаешься, нет — уезжаешь домой.

— Куда уходят Робинзоны после Сент-Анн? — спросил я.

— Кто учиться дальше, кто работать.

— Я пойду в политехнический.

— А я на государственную службу.

— Не знаю, пока не решил,— признался Джойс.

Молодежь, прошедшая жизненную школу на Сент-Анн или в других подобных лагерях (в 1984 году в трех лагерях Национальной молодежной службы было две с половиной ты-

сячи юношей и девушек), имеет хорошие возможности продвигаться по ступеням государственной службы. Я спросил, а не может ли это обстоятельство быть скрытой формой давления: волей-неволей подашься в лагерь, если иначе нет хода вверх по ступеням управления. У ребят загорелись глаза! Если собираешься руководить другими людьми, говорили они, должен проверить себя: умеешь ли жить бок о бок с такими же, как ты, сознавая и признавая их равенство с тобою.

На Сент-Анн нет назначаемого сверху лидера, ребята сами, присмотревшись друг к другу, решают, кому доверить старшинство. Избранник, облеченный властью, никаких привилегий не имеет, ни от каких работ не освобожден. У него нет других средств принуждения, кроме двух, которыми он вправе пользоваться так широко, как захочет: доказательство и убеждение.

Идея создания Национальной молодежной службы была выдвинута президентом Альбером Рене, когда к власти на островах пришли люди с социалистической ориентацией. В стране еще сильны были позиции средних слоев, тяготевших к западным стереотипам мышления, когда, например, высшим мерилом приобщения молодежи к цивилизации считался английский диплом об образовании. Противники народной власти решили сдержать лавину перемен. На улицах Виктории появились воинственные демонстрации местных буржуа и торговцев с транспарантами: «Не отдадим наших детей в концлагеря!»

Президент по радио обратился к населению и заверил, что новое дело абсолютно добровольное. Но у республики, если она хочет быть самостоятельной, нет иного пути, кроме как воспитывать у молодежи ответственный подход к жизни. Только так можно покончить с иждивенческими настроениями, ограничить зависимость от Запада, использовать внутренние ресурсы, укрепить национальную экономику. Через два дня по улицам Виктории прошли новые демонстрации: рабочие, крестьяне, интеллигенция выступили в поддержку народной власти и ее начинания. Звучали слова национального гимна, который пели сплоченные колонны, принимая в свои ряды сотни людей, выходивших из домов, чтобы вместе с демонстрантами выразить свою волю: «Никогда, никогда мы не сдадимся! Равенство — для всех! Свобода — навсегда!»

...В окно мы увидели отряд девушек в голубых беретах. Впереди чеканила шаг юная красавица с проволочными колечками в ушах. Та самая, что жрицей восседала на веранде. Даже не понимая ее команд, можно было догадаться, что они вроде наших «подтянись!» и «шире шаг!». Строевая подготовка в лагере обязательна. США, ЮАР, Англия не хотят примириться с мыслью, что Сейшелы стали суверенны, что их не превратишь теперь в мировой игорный дом, что сюда не зайдут, как на свою базу, их военные корабли. Они все еще надеются вернуть старые порядки, даже если бы для этого пришлось потопить острова в крови.

Неподалеку от Сейшел, на отторгнутом у Маврикия коралловом атолле Диего-Гарсиа, оборудована военно-морская база США со взлетно-посадочной полосой для тяжелых бомбардировщиков, кружащих над Индийским океаном, воды которого бороздят американские боевые корабли. Можно представить тревогу островных народов, когда они наблюдают за маневрами, несущими угрозу их безопасности.

Джойсу и его товарищам выпало быть свидетелями самых драматичных страниц новейшей истории Сейшел.

В апреле 1978 года в кенийском порту Момбаса переоборудовали старый торпедный катер, на котором предполагалось разместить две сотни вооруженных наемников для десанта на Маэ. Под покровом ночи у скалистых берегов их должны были поджидать противники народной власти, готовые к вооруженному мятежу. Сейшельцы раскрыли заговор, арестовали главарей. Прибрежные воды по ночам освещали мощные прожекторы, они из стороны в сторону перекатывали ослепительный дымный свет, задерживаясь на каждой подозрительной точке, попавшей в скрещенные лучи. Наемники не отважились выйти в море.

В октябре—ноябре 1979 года в порту Дурбан (Южно-Африканская Республика) в те дни, когда по улицам Виктории шли демонстрации против Национальной молодежной службы, другой десант готовился к высадке на Маэ. Сейшельское правительство запретило всем судам приближаться к своим берегам.

В ночь на 26 ноября 1981 года на международный аэродром Пуэнт-Ларю на Маэ приземлился прибывший регулярным рейсом из Свазиленда самолет. По трапу спустилась команда спортсменов-регбистов, растворившаяся в толпе. Все быстро прошли паспортный и таможенный контроль и уже рассаживались по машинам, когда сотрудник таможни, раскрыв у одного из регбистов чемодан, среди детских игрушек увидел дуло автомата. Он поднял тревогу, а «регбист» выхватил автомат и открыл стрельбу. Тогда и другие «регбисты» извлекли из сумок оружие, захватили аэровокзал и заложников — пассажиров и работников аэропорта.

Когда прибыли части Народной армии безопасности, наемники поняли, что их планы свержения законного правительства Сейшел провалились, и лихорадочно искали пути к бегству. Тем временем, ничего не зная о случившемся, к Маэ подходил самолет индийской авиакомпании. Бандиты пробрались в башню управления полетами, посадили лайнер, ворвались в него и, приставив пистолет к виску командира корабля, заставили подняться в воздух и взять курс на Дурбан (ЮАР). Небольшая кучка наемников оставалась в аэропорту, автоматами прикрывая бегство своих вожаков, а когда самолет взлетел, они скрылись в тропическом лесу. Сейшельцы всех их выловили...

— Теперь вы понимаете, почему мы маршируем? — говорит Джойс.

Раздался стук в дверь, в комнату вошли девушки со своей предводительницей. Медные проволочные сережки были светлее ее скуластого лица, больше негроидного, нежели обычно у сейшелок. Гостьи звали ребят вместе прошпаклевать лодку, на которой собирались выйти в море. Узнав, что я из Советского Союза, предводительница затараторила:

— Мои знакомые учились в Москве! Там холодно! Люди надевают на себя шкуры зверей! Но я не боюсь! Я бы тоже хотела учиться в Москве.

— Где? — спросил я.

— В медицинском.

— А как тебя зовут?

— Как наш остров — Анна!

— Святая Анна? — улыбнулся я.

— Нет,— засмеялась девушка,— я такая же, как все мои братья и сестры на острове.

Сейшельские острова

ГЕРОЙ

Рассказ Леонида МОКРЕЦОВА

А чего рассказывать? Тут и рассказывать нечего. Служил в ГДР. Наградило меня правительство республики медалью. Все верно. Вот она у меня тут, на кителе.

Нет, не могу я в микрофон говорить. Давай его хоть платком прикроем. Вот так.

В армию провожали, мать плакала. Как водится. Я ей: мама, чего ревешь, отслужу как надо и вернусь, как в песне поется.

Я у нас в Куменах ССПТУ-15 закончил. Среднее сельское профессионально-техническое училище. Поработал два месяца трактористом — и в армию. Там поучился еще и стал механиком-водителем БМП — боевой машины пехоты.

Первое время, конечно, тяжело, но потом привыкаешь. Служба, как говорил наш прапорщик,— это лучшая школа жизни, это даже техникум жизни. Так и говорил — техникум жизни.

В учебке все гадали, кого куда пошлют. Меня послали в ГДР. Я сразу письмо домой написал, так и так, дорогие мои родители, пишу вам из далекой Германской Демократической Республики. А в ответ сразу два письма. Одно из дома, а другое тоже из нашей деревни. От деда Сергея. Он сам слепой, и вместо него дочь писала.

Я помню, он все сидел на скамеечке на солнышке, а мы, пацаны, глупые еще совсем, ему что-нибудь подстраивали, и он гонялся за нами со своей палкой. Он с войны слепой. Его ранили уже в самом конце, в Берлине. Гитлер тогда вооружал мальчишек из гитлерюгенда. У них больше воевать уже было некому. И вот один такой отряд занял школу. Командир деда Сергея сказал, что нечего с этими сопляками цацкаться, и вызвал самоходки. А войне вот-вот конец. Дед Сергей тогда сказал, погодите, и пошел туда к ним с белым платком, мол, ребята, Гитлеру капут, а у вас еще вся жизнь впереди... Тут с той стороны и шарахнули. Его жене потом из госпиталя письмо пришло, приезжайте, забирайте. С тех пор он и сидел на скамеечке.

Так вот, он мне написал, чтобы я в Берлине то место нашел. Там, написал он, школа, а сбоку на углу аптека. Мы поехали в Берлин на экскурсию, но только где ж теперь то место найдешь. Там у них на каждом углу аптека.

Я, когда демобилизовался, приехал домой, а дед уже умер.

А с медалью дело вот как было. Стоял я на посту. Да чего рассказывать, тут в немецкой газете все написано. «Нойер таг» называется. Вот ее мать за стекло в сервант засунула. Я по-немецки ферштею, но не особенно, так что нам ее Нина Ивановна, наша учительница немецкого, переводила.

Так вот, стоял я на посту. Это было зимой. У них зимы, конечно, не такие, как у нас на Кировщине, но все равно, постоишь два часа на ветру, и вместо тебя сосулька. Днем еще жизнь какая-то кругом, а ночью стоишь один-одинешенек.

Но тогда дело днем было. Я стоял на посту. Внизу, прямо метрах в тридцати, канал. Наши ребята чинили забор, потом их повезли на обед. Вот тут в газете написали, что стук молотков напоминал мне о доме и что я стоял и думал о родной деревне, об отце с матерью, о Гале. А я уж и не помню, о чем тогда думал.

Скорей всего об этом самом

и думал. О чем еще может солдат думать? Все солдаты об одном и том же думают. И отец мой, когда служил, тоже, наверно, об этом думал. И дед.

Мой отец родился в ноябре сорок первого. А его отец, мой дед, Алексей Александрович Мокрецов, на фронт ушел в июле. И вернулся только в сорок пятом. Моему отцу уже было четыре года, а он своего отца еще не видел. Даже слова такого не знал — «отец». Первое, что он отцу сказал: «Алексей, садись есть-то». Так и сказал: «Алексей, садись есть-то».

В первом же бою деда ранило. Пуля раздробила кость между правым глазом и виском. А он выжил. У него кожа там была совсем тоненькая. Бабушка говорила, как в яйце под скорлупой пленочка.

Бабушка, тогда была еще молодая, осталась беременная с двумя детьми, да еще две старухи, и все на ее плечи. Она рассказывала, как они, шесть женщин, запрягались в соху и тащили, а старичок сохой правил. Она так и говорила: а мы плачем и тащим.

Она посылала детей за крапивой, чтобы из нее варить похлебку. И еще собирали клевер. Она делала из клевера колобашечки. Отец рассказывал, как они соберут клевера, приходят и говорят, мама, сделай нам колобашечек. Чтобы как-то прокормиться, она продала все свои кофты, платья, одеяла, шали, все добро, какое нажили. Она ходила пешком в Богородск и принесла на себе пять пудов муки.

Это я отвлекся. Тебе же статью нужно писать про то, как я медаль получил, а не про бабушку.

Так вот, стою я на посту, а на канале мальчишки играют. Канал льдом покрыт. А накануне по нему прошел ледокол с баржей. И на середине лед некрепкий.

Я уже свои два часа почти отстоял, скоро смениться. Вдруг слышу — крики. Смотрю — пацан в полынье барахтается.

Вот тут в газете они написали, что в голове рядового Мокрецова промелькнула мысль, что делать? И фамилию, главное, во как их буквами написали, язык сломаешь. Ни в жизнь не догадаешься, что это моя фамилия. У меня и мысли такой не было, что делать. Как что, и так ясно. Но только вот загвоздка — я же не просто так гуляю, я же на посту стою. А в армии есть такой закон: что бы ни случилось, солдат не должен покидать свой пост. Иначе трибунал. Ладно, думаю, вдруг никто не заметит.

Это я сейчас так долго рассказываю, а тогда в секунду схватил доску, там много валялось, ребята же забор ремонтировали, и бегом к полынье. А пацан уже еле барахтается. Хватается за лед, а он обламывается. И прямо видно, как парня от ледяной воды сводит. Я подбежал, чувствую, подо мной лед ноет. Лед как затрещит, тут и я в воду провалился, весь как был, в шинели, сапогах.

Дальше все как-то само собой вышло. Вот тут в газете красиво написано, мне так никогда не сказать. «Его обожгла ледяная вода» — и все такое прочее. Может, и обожгла, черт его знает, я не помню. Короче говоря, схватился я за доску, вылез и его вытащил.

Я весь мокрый, и он весь мокрый, и от нас пар идет. А пацан еле живой. Аж посинел весь. Я его в шинель свою завернул, схватил в охапку и потащил бегом к нам. Там и смена уже. Раздели его, стали оттирать, горячим чаем отпаивать. Из их милиции приехали, его забрали. Тут наш командир части идет. А я в одних кальсонах. Ну, думаю, все. Пришел рядовому Мокрецову конец. Да чего там говорить, пост бросил, стою в кальсонах.

Что, Мокрецов, мне говорит командир, под трибунал захотел? Тут дядя этого пацана прибегает. Его Андреас Шмидт зовут. Он сам из Вернигероде, есть у них такой город, а в Берлин к дяде в гости приехал. Дядя лопочет что-то по-немецки и все меня обнять норовит. Командир части разобрался, что к чему, и руку мне жмет. Ну, думаю, пронесло.

Молодец, Мокрецов, командир мне говорит. Неужели так за парнем в полынью и прыгнул? Подумаешь — полынья, говорю. Дома в деревне пацаном сколько раз проваливался под лед. Выльешь только воду из валенка и дальше бежишь.

Потом стихло все, забыли уже об этом, вдруг прибегают: Мокрецов, где Мокрецов, корреспонденты немецкие пришли в газету про тебя писать. А я как был чумазый, в двигателе копался. Отмылся наскоро. Мне наш прапорщик говорит, надо тебя хоть одеть прилично, и надели на меня сержантский мундир. А я рядовой.

Вот так меня их корреспонденты в сержанты и произвели. Дама с фотоаппаратом и так меня щелкает, и этак. Я чуть не ослеп тогда от ее вспышек. Расспросили, как все произошло. Потом стали про мою жизнь спрашивать, кто я, что я, откуда, есть ли у меня девушка, участвую ли в самодеятельности. Нет, говорю, в самодеятельности не участвую, таланта нет. А девушка есть, Галя зовут, вернусь домой, поженимся. Они меня спрашивают, было ли мне страшно. Нет, отвечаю, не было, а мне и вправду страшно не было. Поблагодарили, пожелали нам с Галей счастья и уехали.

Когда я домой вернулся, Галя-то моя уже замуж вышла, не дождалась.

Они меня все спрашивали: неужели у меня в жизни не было страшных ситуаций, что я ничего не боюсь? Хотел я им про провода рассказать. Потом думаю: зачем?

Мне шесть лет было. Снегу столько навалило, что никогда еще такого не было. На метр от проводов. Я тогда на работу к отцу пошел. Он тоже тракторист. Вернее, это я тоже. И мне на проводах захотелось покачаться. Я схватился за них руками и повис — по мне ток пошел. Отец слышит — я кричу. Я дергаюсь на проводах, а разжать пальцы не могу. Отец подбежал, сорвал меня и тут же ремнем отстегал. Вот тогда, на проводах, мне действительно страшно было.

Потом к нам в часть целую пачку газет вот с этой статьей привезли. Я ее домой родителям послал и Гале. Меня ребята героем стали называть. Эй, герой, иди сюда!

Потом медаль вручали. Специально возили во Франкфурт-на-Одере. Там у них раз в год сооружают на площади огромную сцену и награждают рабочих, передовиков производства, и вообще, кто отличился. Выступают народные ансамбли, оркестры, все очень торжественно. И меня вызывают.

Я выхожу на сцену, а народу на площади — тьма. И все аплодируют. Я запутался, к кому подходить. Подвели меня к микрофону, что-то я должен сказать. А чего говорить? И так все ясно. У меня что-то спрашивают. Переводчик переводит, холодно было? Нет, отвечаю, у нас на Вятке и не такие морозы бывают, градусов пятьдесят как жахнет! Оркестр заиграл, и вручили мне медаль и премию, пятьсот марок в конвертике.

И в части тоже полк весь выстроили и перед строем объявили мне благодарность. Все меня поздравлять стали, я уж и не знал, как от них отделаться. Тоже мне, нашли героя.

Вот и все. Демобилизовался, приехал домой, работаю трактористом, не женат.

Сегодня с утра прибегают: Мокрецов, корреспондент из Москвы приедет, тебя фотографировать будет, иди надевай костюм с галстуком. А я им: что ж, я с галстуком под трактор полезу? В чем есть, в том пусть и снимают.

Ладно, корреспондент, пленку экономить надо. Идем, лучше я тебе Вожгалы наши покажу. В Москве воздухом таким не подышишь. Чего в доме сидеть, красоту нашу посмотришь.

Я как после службы приехал, вылез из автобуса и вот смотрю на эти дома, на сараи, на нашу сельхозхимию, сельхозтехнику, на наше кладбище, на церковь без макушки, на лес, на речку, и не поверишь — слезы из глаз. Да чего там говорить — Родина.

Записал М. ШИШКИН
Фото Л. ОГАРЕВА

ВАШЕ МНЕНИЕ?

ТАЛАНТ БЫТЬ ОБЯЗАННЫМ

Калин ДОНКОВ,
болгарский писатель

(Дискуссионные размышления: приятно ли «быть обязанным»! Благодарность — естественная потребность или расчет! Доверие: за или против! Испытывает ли предатель удовлетворение от предательства! Кто виноват в беззастенчивости потребителя!)

ТАЛАНТ БЫТЬ ОБЯЗАННЫМ — ЭТО ТАЛАНТ ЖИТЬ

Чувство долга делает человека сильнее, устремленнее, увереннее, ярче. Но если выполнение долга на поле брани уже достаточно истолковано и ясно, то на каждодневные обязанности, на их место в нашей жизни внимание обращается редко.

В краю, где я родился, свадебный ужин по традиции обслуживают только мужчины из рода жениха. Снуют между столами с глиняными мисками в руках, режут хлеб и наливают вино — дядья по матери и отцу, двоюродные братья — все старше жениха по возрасту, все уже мужья, отцы. И молодожен проникается сознанием своего долга перед ними — беречь в чистоте имя рода, хранить узы брака и семейную честь, иначе осрамит он родню. И позже во всех жизненных перипетиях эти и другие непременные обязанности будут мобилизовывать и смелость его, и силу, и даже, если понадобится, упрямство.

«Малые» обязанности зовут к своему исполнению ежедневно, и исполняются также ежедневно, хотя газеты не сообщают об этом, а мы не даем обязательств и не назначаем сроков их исполнения.

Помню одного старика, который, когда с ним здоровались, останавливал каждого ребенка, женщину, мужчину, жителей своего и соседних сел и заинтересованно расспрашивал о здоровье, об успехах в школе, об урожае, о родных и близких. Под конец давал совет, направ-

---

Продолжение. Начало см. в № 1 за 1985 год.

лял больного к доктору, покупателя — к продавцу, заручался обещанием, что дети будут слушаться старших. Он развил до совершенства свой долг быть внимательным к другим. Но почему так трудно представить его в сегодняшней нашей жизни — располагающего для всех временем, сочувствующего и ободряющего? Как бы мы его приняли? Если он, возвращаясь с поля, замечал ямку, щербатину на булыжной дороге, непременно втыкал прутик у обочины и приходил назавтра с ломом поправить. Старик поднялся до осознания, что это прежде всего его личный долг, а потом уж чей бы то ни было. И сельчане не считали его чудаком, просто все знали о его обостренном понимании долга, который для его души был потребностью, а не принуждением. Он излучал флюиды примера. Могу сказать об этом человеке с уверенностью: он делал окружающих лучше. И совершенно неудивительно, что в наше время старик продолжился в своем сыне — обаятельном политкомиссаре Сопротивления, публицисте и руководителе культурного фронта, человеке, которого до последнего дня его жизни отличали верность долгу, мудрость и гуманность.

Но зачем нам эти примеры из прошлого, эти ушедшие в небытие люди, зачем рассказывать об их добродетелях? Нужно ли все это?

Я тоже должен был пройти через все эти вопросительные знаки, чтобы понять: даже родительский долг не передается сызмальства, «естественно», даже эта самая очевидная, самая понятная обязанность должна в людях воспитываться. А сколько еще «малых» заповедей, которым человек обязан следовать: почитай старших, не укради, говори только правду, помогай другим, думай о других — и еще десятки «божьих» и человеческих принципов, которые с малых лет должны быть усвоены дома! Но дом давно уже не тот, дети воспитываются в основном вне его, и именно в этом отношении воспитание «вне дома» не выдерживает критики. Если оно гарантирует понимание патриотического и служебного долга, если совершенствует верность идеям, чувство причастности к строительству и обороне отечества, то гарантии, которые даются «маленьким» добродетелям, здесь незначительны. А ведь никто их не отменял, никто нас не освобождал от ежедневных обязанностей.

...Однажды провели «тест», инсценировав падение человека у обочины шоссе. Машины проносились мимо. Другой раз был уже не «тест», была катастрофа, и все же многие в автомобилях сидели с каменными лицами.

В то же время озадачивают сообщения в некоторых газетах: кто-то нашел бумажник с деньгами и вернул его владельцу. С каких пор исполнение такой «мелкой» обязанности, не требующей никаких усилий и жертв, стало сопровождаться воспеванием в печати?

И наоборот. Мы стали очень «стеснительными», когда нужно должным образом отметить строгое следование своим обязанностям, хорошо воспитанным «малым» добродетелям. У нас нет времени, мы заняты более важными и высокими проблемами? Или, может быть, собственная подсознательная вина заставляет нас обходить эту тему? А не подленькое ли желание некоторых из нас жить без «неудобных» обязанностей бывает иногда причиной того, что в своей среде мы затушевываем поступки, заслуживающие восхваления и поклона? Какая-то необъяснимая, сомнительная «скромность».

Благодарность — целая наука. Этот красивейший долг, говоря официальным языком, является целым комплексом отношений. Уважением и деликатностью, благородством и взаимозависимостью, верностью и любовью, признательностью и достоинством, желанием отплатить и упрямым стремлением к реваншу. Но мы как-то принизили эти отношения, возмутительно часто стали смешивать их с подмазыванием, с расчетливостью, со взяточничеством. Порой мы небрежны к драгоценному наследию — благодарности — даже тогда, когда возникает острая нужда, нет — жажда! — благодарить: врача, учителя. Появились запреты, регламенты, указания, что можно и чего нельзя дарить. Миг благодарности превращается в конфуз. Да и весь кодекс отправления этого долга нами заброшен, даже неблагодарность, презираемая во все времена, словно уже не так нас раздражает. Неблагодарный живет себе спокойно, и никто на него не показывает пальцем, вот, мол, человек, осквернивший свой долг. Неблагодарные, особенно молодежь, увеличивают свои ряды: мы не научили их гордиться своими обязанностями, «носить» их, поэтому ноша кажется им чрезмерно тяжелой, они сгибаются под ней все ниже — к измене.

Наш дар быть обязанным как одна из способностей, как один из органов чувств, как легкие, сердце, рука. Обязанности — вопросы, из ответов на которые состоит наша жизнь. Талант быть обязанным — это талант жить.

Не может не вызывать тревогу неизвестно как появившееся у нас заблуждение, что «малые» обязанности едва ли не «автоматические» свойства личности. Нужно все же находить для них место и время, не твердить постоянно, хотя, конечно, так удобнее, что ответственны мы все. Давайте на этот раз ограничим свои удобства и сделаем исключение: да, все, но и каждый в отдельности тоже. Каждый в меру своего таланта должен быть должным. Все другое — просто бездарно...

В конце декабря, холодной, но черной, бесснежной зимой, близ Кричима мы с коллегами по редакции попали в оранжереи, где выращивают гвоздики. Цель нашего журналистского «налета» была одна — задать цветочницам шаблонный вопрос, чего они ждут от Нового года. У каждой было в ответе что-то сокровенное, очень личное, конкретное желание: чтобы дочери дали квартиру, чтобы демобилизовался скорей сын, чтобы девочка, кончающая школу, поступила в институт, даже чтоб команда, в которой играет муж, вошла в группу «Б». Только одна работница, спрятав за спиной испачканные землей руки, ответила тихо, коротко и, как блицфотокамеры, быстро: «Ребенок у подруги очень болен. Пусть Новый год принесет ему здоровье...»

Почему мне тогда не пришла в голову мысль поцеловать ей руку?

НЕ УДИВЛЯЙТЕСЬ НЕЗАПЕРТОЙ ДВЕРИ

Казалось бы, все ясно. Мы должны верить друг другу. Иначе нельзя. Доверия заслуживает каждый, пока не будет доказано обратное. Если сомневаешься в ком-то, значит,

сам испорчен. Эти формулировки достаточно распространены. И все же: одни им следуют, другие — нет. Ясный вопрос о доверии оказывается, как и все вокруг нас, противоречивым и сложным. Самое насущное в человеческом общении, главнейшее в наших отношениях оказывается на поверку самым хрупким, самым беззащитным. Злая воля может действовать тут необратимо: разобьется вера — запасных частей нет. Большинство из нас это хорошо знает. Многие по-умному осторожны. И берегут доверие... не прибегая к нему. Бывает, один ошибется, сотня других делает выводы. Один обожжется, сотня дует на воду. И пошло-поехало: «Ну уж, как это жене верить... Ну уж, начальнику верить... Ну уж, мяснику... Ну уж...» И начинаем разрушать в себе невосстановимое, не успев им воспользоваться. Не успев слить со своим долгом, со своей совестью. Не успев решить, как мы должны поступить.

Сколько поучительных историй рассказывается в газетах, по радио и с экрана, сколько раз нас подводили к тому, что мы должны осмеять и осудить доверчивость, сколько желчи мы излили на сердечных, сострадательных или просто наивных людей! Упустили ли мы хоть раз повод сказать: вот куда ведет доверчивость? Никогда мы такого случая не упускаем. Осуждаем этот «порок» мы при каждом удобном случае. А «удобных» случаев сколько угодно. Потому что нет ничего беззащитнее доверия. Как и нет прочнее защиты для человека, чем то же самое доверие. Вопреки непрестанно повторяемым предупреждениям о необходимости быть осторожными какой-то процент современников-оптимистов продолжает исповедовать доверие в его чистейшем виде, ни с чем не сообразуясь, ни к чему не приспосабливаясь, ни от чего не страхуясь, ничем не ограничиваясь. Среди каждого десятка обманутых всегда найдется кто-то, кто не сожалеет, что поверил другому человеку, и не собирается выворачивать наизнанку свои убеждения. «Изнанка» доверия совершенно непригодна порядочному человеку в качестве житейского принципа. Даже если его обманули, подняли на смех, если над ним глумились, он будет воевать за то, чтобы сохранить в себе и укрепить доверие в других, часто изумляя остальных, часто не обращая внимания на то, что множатся кандидаты на злоупотребление его доверием. Наш оптимист знает, что делает.

Не удивляйтесь всегда открытым дверям в селах, расположенных на склонах Балканских гор, хотя там уже неоднократно ловили воров. Не удивляйтесь тем, кто дает несколько тысяч нуждающемуся приятелю с глазу на глаз, не требуя с него никакой расписки, чтобы не ставить его и себя в неловкое положение.

Ибо доверие нас окрыляет даже тогда, когда мы ограблены, оболганы или преданы. Только оно может нас спасти во всех разочарованиях и крушениях, вернуть нас к прежнему — любви, дружбе, увлечению работой. Верьте своему другу. Верьте своему врагу. Верьте незнакомому. Нет ничего истиннее веры!

«Изнанка» — это почти профессиональная осторожность, недоверие и подозрительность, жертвой которых чаще всего становятся именно те, кто их исповедует. И здесь нет ничего общего с благородным скепсисом, ничего общего со священным человеческим сомнением. Боязнь искренности, близости, щедрости разрушительнее, как мне представляется, самых взрывных стрессов, многих более заметных, изумляющих своим внешним выражением чувств и состояний. А ведь речь идет о самом обыкновенном, самом необходимом доверии, которое мы задолжали друг другу, — мы все, а не только братья, супруги, соседи, коллеги, приятели, знакомые. О доверии, которое мы задолжали человеку еще до встречи с ним, еще до того — почему бы и нет! — как сами появились на свет.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Вероятно, о нем лучше бы написал тот, кто никогда не отчаивался при его коварном прикосновении. Тот, кто никогда не испытал, как его откровения выставляют на осмеяние чужим и равнодушным людям. Тот, кто никогда не разочаровывался в друге, не подавал руку помощи подлецу, не прощал доносчика. Этот человек мог бы разобрать и отсеять факты с беспристрастием и мудростью, необходимыми для всякого настоящего анализа. Такого подхода к проблемам издавна добиваются и наука, и искусство, и все заинтересованные лица. Ибо только так можно что-то прояснить, после чего это «что-то» отболит. Но такой подход невозможен. Его не существует. Все мы неравнодушны, нехладнокровны, не способны подойти спокойно, проявить какую-то, пусть даже временную, терпимость. Нас беспокоит и терзает что-то, даже если наших имен нет в списках потерпевших. Поэтому беспристрастия у нас не получается. Хладнокровие нам недоступно. Незаинтересованных нет.

Я лично всегда хотел понять предателя. Не до, не во время подлого его поступка, — очевидно, мне это не под силу. А после. Когда он уже совершит предательство и потеряет интерес к своей жертве. Когда начнет приводить всевозможные доказательства, что теперь он сам нуждается в помощи, когда начнет мучительно формулировать свое «право» на подлость, почему бы именно тогда не разглядеть его повнимательней, пока он занят собственной защитой и у него нет времени чинить зло? Думаю, только тогда можно увидеть в его действиях самый главный, самый страшный, самый мощный «дар» — оправдывать и «осмысливать» свои поступки. Способность к самопрощению. Умение даже самые печальные результаты своих поступков употребить себе на пользу. Для темных душ предательство неизбежно, даже необходимо. Не предательство вообще, а то, которое они совершили. Раз не карается законом измена человека человеку, то она будто и не так отвратительно выглядит. Совсем ясное дело с изменой родине, там действуют статьи, пункты, параграфы, суд и приговор. Там другое.

И все же, мне кажется, предательство всегда едино. Ведь каждый из нас в тот или иной момент своей жизни был поражен «маленьким» предательством, бросающим человека в такой вертеп терзаний и подозрений, что требуется мобилизовать всю веру для преодоления кризиса. А вера могла бы послужить чему-то более серьезному, например великим делам!

Почему иногда совершающееся на наших глазах мелкое, незначительное предательство становится потом основой неожиданной, ничем не объяснимой карьеры? Почему мы безнаказанное микроскопическое предательство не рассматриваем как частицу той ткани, что размножается со скоростью раковых клеток, уст-

рашая нежную, невосстановимую субстанцию жизни?

Если кто-то причинил вам зло, передав услышанное в вашем доме, в вашем рабочем кабинете,— не спешите прощать. Этот человек нарушил законы и обычаи, извечно гарантирующие доверие: святость гостеприимства, совместной трапезы, совместной работы. Не злоупотребляйте великодушием, видя, как кто-то разглашает тайны своего учителя или покровителя, не закрывайте глаза на сквернейшее предательство — неблагодарность. Даже если она направлена только против вас, она касается не только вас, и вы не можете пользоваться личным правом прощения.

Нынешние времена отличаются от всех других. Мы впервые провозгласили совершенно новую нравственность и не можем перенимать от прошлого терпимость, примиренчество только потому, что «и сейчас можно, если столько веков было можно»... Нельзя. Опасно, если все еще можно. И уж совсем фатально, если можно будет завтра!

ТОЛЬКО НА ЮЖНОЙ СТОРОНЕ ЖИЗНИ

В какой мере все мы ответственны за бескомпромиссную атаку потребителей на самые обыкновенные человеческие качества — терпимость и сочувствие? Ответ на этот вопрос не под силу одному исследователю, его правильнее было бы обратить ко всем.

Человек с кошельком... Человек, который платит...

Мы спотыкаемся, задеваем за этот тип, как о зарытый в пыли камень. Налетишь на него босиком — собьешь ногу. А если он в траве, то на блестящей стальной косе появится зазубрина. Это в случае, если не заметишь камня. А увидишь — лучше всего обойти. Однако он уже не хочет, чтобы его обходили. Обижается, когда обходят. Настаивает на своем праве быть у всех на виду. Старается пользоваться этим правом. Пользуется и нашим чувством вины за то, что мы допустили его появление. Пользуется и нашими угрызениями совести за его появление. Если мы дадим ему волю, он использует на благо себе весь мир.

Таков новый потребитель. Он уже не тот, что тихонько в уголке грыз горбушку от каравая общественных благ, не тот, что украдкой слизывал мед с пальцев и ждал, когда пройдут времена, в которые неудобно быть слишком благополучным и сытым. Ему надоело быть скромным. Им движет амбициозное желание все свое существование уподобить ресторану, где клиент ценится в основном в зависимости от того, сколько он потребляет.

Долгие годы потребитель, наверное, твердил себе, что в сравнении с его положением жизнь коренного населения в Штатах и в Южной Африке — еще цветочки. Он был до такой степени презираем, что, появись он открыто, общественные интересы сразу же смели бы его с арены жизни. Но шло время, мещанин смелел. Почему это, начал спрашивать он, другие могут пользоваться, а я нет? Почему я не могу открыто пользоваться своими правами?

Тогда это было еще внутренним движением, душевным беспокойством, терзавшим данного типа, так было еще до того, как он появился открыто в жизни и в «частных случаях». На следующем этапе данный тип утратил осмотрительность традиционного мещанина и сейчас словно обдумывает, а не порвать ли ему связь со своим мещанским первородством, тем более что она угадана обществом, не нарушить ли симбиоз, не выбросить ли лозунг чистоты вида? Продвигаясь по этому пути, наш «герой» специализируется на накопительстве прав. Труд для него, например, не средство создания общественных благ, а право без стеснения использовать эти блага. Членство в любой организации, вклад в любую область — также в основном источник пользования правами. В конце концов, когда столько прав накапливает одна личность, эти права как-то вытесняют обязанности, изгоняют их, как голодранцев, вон из его души, и «герой» уже не задумывается, скажем, над тем, к чему обязывает его доброе имя. У потребителя времени на размышления нет. Он должен потреблять. Он специализируется на том, чтобы потреблять все самое лучшее, самое качественное, основная его забота — обеспечить самого себя, жить только на южной стороне жизни, иметь самое яркое солнце, самое большое количество ультрафиолетовых лучей на единицу жилой площади.

Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что большинство людей не обладают такой яростной уверенностью, что за свой труд они должны непременно получать все самое лучшее, самое «южное». Иначе нам пришлось бы строить странные дома, странный социализм, создавать странный мир — все только выходящее на юг, все самодовольное, жадное.

Есть потребители, которые не имеют никакого желания отступать, защищают свои права иногда просто из принципа, поскольку думают, наверное, так: один раз отступишь, второй раз отступишь, а после с тобой никто не будет считаться. Защищай свое право, даже если его у тебя нет.

Почему все-таки так обрушился автор на права? Почему они так его рассердили? В свое оправдание могу лишь заметить, что меня огорчает не столько обилие прав, сколько отсутствие самых существенных, каждодневных обязанностей. Если делать упор на права, при отсутствии существенных, каждодневных обязанностей, люди искривятся под их тяжестью на один бок. Именно груз прав, не уравновешенный грузом обязанностей, изламывает личность, превращает ее либо в доморощенного «мафиози», либо в Гаргантюа, стремящегося сожрать наш мир, разумеется, по частям.

У нас нет другого выбора, кроме как ежедневно приносить на алтарь воспитания все новые и новые доказательства честно исполненного долга, растущей ответственности, красивого бескорыстия, страстной готовности отдавать и жертвовать, искренней социалистической гуманности, дружбы, бескомпромиссности, действенной морали. Тогда только мы сможем обесценить превозносимые потребителем права, ревниво защищаемые им возможности получать и потреблять.

Но мораль, человечность, как и все в жизни, требует воспитания ежедневного, а не от случая к случаю. Как ежедневно мы кормим детей, выпекаем хлеб, говорим слова любви, так же ежедневно мы должны создавать нового человека. Как нельзя, например, надышаться вперед на неделю, на месяц, на год, так нельзя запастись впрок воспитанием.

Воспитывать в себе и в других гуманность — наш долг. И мы должны его выполнять.

Окончание следует.

Перевела с болгарского И. ПАНОВА

1. «Когда мы едем играть в Канаду, то говорим между собой: ну, посмотрим сейчас, кто чего стоит! В Канаде проверяются репутации. Есть игроки, которые там не выдерживают. Хороший игрок оказывается слабым человеком. Жмется. Отворачивает. Не идет на столкновения. Матч с канадцами — час в экстремальных условиях. И нужна огромная смелость, чтобы, не раздумывая, пойти на двух защитников, которые клюшками машут у твоего лица, как секирами. А вратарь в Канаде должен творить чудеса. Там мало сыграть хорошо. Ну, скажут, он сыграл хорошо, но команде не помог, не спас... Вратарь в Канаде должен спасать. Чтобы канадцы почувствовали, что против них — стена. Только так их можно победить».

Третьяк рассказывает спокойно, ровно, от него исходит ощущение силы — не только физической. Душа его как будто глубоко сидящий в воде корабль — не раскачаешь. Кисти рук, лежащих перед ним на столе, широки как доски. И тут же вскоре типично-мальчишеский, застенчивый жест — широкой своей ладонью он приглаживает и без того гладкие, коротко подстриженные виски. Голос у него высокий. И во всем его облике есть что-то мальчишеское, светлое. Есть такие ребята в школе — у них рубашка и на верхнюю пуговицу застегнута. Они старательны и тем трогательны. Он о себе, подростке, говорит: «Я воспитанный мальчик был. Опрятный...»

2. Тренер Ерфилов, первый тренер Третьяка, помнит, как Владик пришел к нему: «Он безоговорочно сказал, что хочет быть вратарем. Я поставил его у борта, без формы, бросал ему и смотрел, как он ее хватает, цепляет...»

Сам Ерфилов большим хоккеистом никогда не был и о своей карьере игрока говорит с иронией: «Я играл в нападении. Стал хуже играть — перевели в защиту. Еще б, наверно, немного поиграл — поставили б в ворота...» Но он этого ждать не стал, ушел. И, несмотря на то, что лишь вратарем он на хоккейном поле не был,— именно на вратарей у него чутье. В нем мешаются гордость и смущение, когда в конце нашего разговора он напоминает: «Мышкин ведь тоже мой...»

ВЛАДИСЛАВ ТРЕТЬЯК О СЕБЕ И ХОККЕЕ

А. ПОЛИКОВСКИЙ,
Л. АНИСИМОВ (фото)

И во всем его рассказе о том, как когда-то однажды пришел к нему долговязый худой парень с длинными руками, и стали они работать, «не готовясь быть великими», ощутим легкий привкус горечи и грусти, с какой рассказывают о первой любви и о выросших учениках, которых ты помнишь маленькими.

«Это было у Владика как дар — умение трудиться. У него было главное, что делает вратаря,— желание выручить команду. Только это желание дает стабильную игру. Можно одну-две игры сыграть на всплеске эмоций: я хочу... Но на этом долго не выдержишь. Да и тут не все еще. Один вратарь боится не помочь команде. Второй очень хочет помочь. Кто будет лучше! Второй — это Третьяк. И это еще не все. Отношение к игре — его Владик пронес с начала до конца, через всех этих канадцев...» — «То есть!» — «Вот вы хотите играть, а я хочу хорошо одеваться. Одни работают для славы и денег, другие ради великой идеи Игры!» — Кулак Ерфилова бьет по воздуху, и голос наливается силой, как будто он свое глубинное убеждение отстаивает перед невидимым врагом. «Ни разу в жизни в ЦСКА Владик не поинтересовался, будет ли премия! Понимаете! Только такой вратарь выдерживает все!»

3. Тогда, когда тренер Ерфилов работал с командой десятилеток, был там и другой вратарь — Гена Лапшенков с Хорошевки. Там началась их дружба и борьба. Друзья, они не похожи друг на друга. Третьяк высоченный, спокойный в любой «заварухе» (словечко дублера Третьяка по сборной Сидельникова), с грудью обширной, как колокол. Лапшенков маленький, горячий, спешно говорящий, как будто изнутри жжет его огонь. Он рассказывает: «Пришел я на тренировку, а мне кричат: «А твою форму взяли!» А за форму мы дни и ночи готовы были работать. Потом, бывало, ночевать в раздевалке оставались после вечерней тренировки, чтобы утром начать. Я (сдавленным горлом, по нарастающей вверх): «Форму! Кто посмел! Кто позволил!» Стоит передо мной долговязый. Мои щитки ему до колена доходили. Думаю, убью. Мне десять, ему девять. Но, увидя те глаза, не смог. Душевность глаз: «Прости! Не я надел, мне сказали надеть!» Не наглые. Извиняющиеся.

К другим ребятам была у меня зависть, кто на мое место в воротах вставал. А к нему не было».

4. «Канада всегда будет первой в хоккее и в производстве пшеницы!» Так сказал канадцам их тренер Синден в 1972 году, перед первой суперсерией. И, выходя на матч, стоя на синей линии, они пели национальный гимн. Всей командой. После первого поражения в Монреале они пели с таким выражением на лицах, что было ясно — эти парни вышли не в хоккей поиграть, а стенка на стенку сразиться. В такой игре кто поддастся первый хоть на пядь — тот проиграл.

Третьяка эти здоровенные, латаные-перелатаные врачебной иголкой мужики поначалу не принимали всерьез. «Владик не отличался монументальностью. Он был тогда худой, дохлый. Но выносливый. Никто не мог понять го-

да три, как он вообще шайбу ловит» (Ерфилов). И они тоже, видно, заметили что-то мальчишеское в этой долговязой фигуре и скромной улыбке. Во всяком случае, когда на тридцатой секунде первого матча Фил Эспозито забил гол, он подъехал к Третьяку и похлопал его по плечу: «Не расстраивайся, мальчик! Научишься еще!»

5. Перед первым матчем первой суперсерии, 2 сентября 1972 года в Монреале, в одну из раздевалок «Форума» пришел великий канадский вратарь Жак Плант. К тому времени он уже кончил играть. Лицо этого человека было зашито врачами 300 раз. После трехсотого наложения швов он первый в мире стал играть в маске. Его маска вместе со свитером Третьяка хранится в Музее хоккейной славы в Торонто. Он пришел, чтобы поговорить с Третьяком. В тот день в Канаде никому и в голову не могло прийти попросить у Третьяка его свитер для музея. Он был «приятный молодой человек», как определил его канадский вратарь Тони Эспозито, новичок, любитель, приехавший поучиться у канадских профессионалов.

Третьяк ни с кем не разговаривает перед игрой. Последние два часа перед выходом на лед он не произносит ни слова. После двухчасового сна с трех до пяти (в изголовье на тумбочку он всегда ставит фотокарточку жены Тани) он погружается в молчание и делается похож на человека, совершающего двадцать второе математическое действие в уравнении, что он решает про себя. В команде знают, что его лучше не трогать. Никто не обращается к нему. В автобусе, на своем, четвертом сзади, месте он приезжает на стадион и разминается в раздевалке, еще не надевая формы, с отрешенным видом совершая всегда одни и те же наклоны и растяжки за час до матча. (Каждый хоккеист знает свой способ подкупить судьбу: Сидельников натягивает левый конек обязательно прежде правого. Фил Эспозито в соседней раздевалке надевает старую черную майку наизнанку и задом наперед.) И вдруг в этот момент входит человек с выразительным жестким лицом и говорит через переводчика, что он, Жак Плант, хочет поговорить с вратарем советской сборной.

Для Жака Планта Третьяк сделал исключение, вынырнул из невидимой барокамеры, в которой проводит часы перед игрой, нарушил обет молчания. Плант же подвел Третьяка, который в его представлении наверняка был вратарь-мальчик, юный, неоформившийся, к стоявшей тут же доске, где тренеры рисуют схемы атаки и защиты, и, рисуя мелом, стал объяснять Третьяку особенности игры великих канадцев, которые готовились в соседней раздевалке! «Я очень удивился. Стоял, слушал. Вообще-то у меня картотека в голове. Я знаю, чего от кого ждать. Но про них я не знал ничего. Не видел ни разу. Перед таким матчем! Плант объяснил мне, что Эспозито может бросить без подготовки, неожиданно. Бросает прямо из дриблинга, слитно, так что не заметишь момента броска. Может бросить, даже стоя спиной к воротам. О Хендерсоне сказал, что он прямолинеен, бьет без хитростей. Почему он это сделал! Наверное, жалел меня. Из вратарской солидарности. Пожал мне руку, пожелал успеха и ушел».

6. Когда канадцы забили второй гол, «как-то не по себе стало...». Третьяк покачивает у груди рукой, показывая, как закачался в эти минуты лед под ногами. А они все перли, все накатывали, все бросали шайбу, и шайба летела из углов, с центра, от синей линии, из кругов для вбрасывания, от бортов с рекламой фирмы «Сони». Отовсюду. В те минуты казалось ему, что на льду не одна шайба, а десяток, как на тренировке, где пулеметом, без пауз, стреляет во вратаря вся команда. А он упал, вскочил, отбил, нырнул, поймал, подставил тело в азарте. У вратаря по-настоящему защищена только правая рука — там «блин», а все остальное «как телогрейка против камней» (ощущение Сидельникова). Тогда впервые ощутил Третьяк эту манеру профессионалов атаковать отовсюду. Вот Третьяк кричит: «Бей!», высокий голос его летит надо льдом, покрывая скрежет тормозящих коньков, стук сталкивающихся клюшек,— и Васильев, повинуясь его команде, впечатывает Голсуорси в борт, спиной на борт летит канадец и все же успевает бросить. Но Третьяк предусмотрительно прикрыл угол, щелочки не оставил. Вот по краю катит Парк, его достают двое наших, он вязнет, но все же умудряется бросить из кутерьмы — в двадцати сантиметрах надо льдом, стремительной летающей тарелочкой свистит шайба. Третьяк не видел момента броска, но он собран, как старательный ученик на контрольной, и потому кто-то внутри его знает заранее, что делать. Шайбу, пущенную от души метров с семи, поймать нельзя, если не начать ловить ее до того, как она уйдет с крюка. Он и шпагат делает не как все, не разворачивает ногу, а просто отбрасывает ее в сторону — так быстрее и удобнее, и можно выиграть миллисекунду, и в заранее им намеченной точке пространства шайба встречается с желтым, толстым щитом. Атака! Опять атака! Усилием воли, напряжением всех сил Третьяк останавливает маятник атак. И наше крылатое нападение, почувствовав, что он поймал свою волну и ему теперь не забьешь, как бы напитывается его силой и воодушевлением. И вот Зимин, маленький фантазер по кличке Ежик, с правого края совершает свой слалом, финт вправо, финт влево, и шайба в воротах, и клюшки вскинуты вверх! Тишина на трибунах. Драйден, двухметровый канадский вратарь, выгребает шайбу из сетки. И начинается упорное, долгое осиливание канадцев. Они контратакуют, но в их бросках все меньше лихой силы, они бьются, но как-то затверженно, мрачно выезжает Эспозито на точку вбрасывания — счет уже не в их пользу, а Третьяку, которого он хлопал по плечу полчаса назад, никак не забить. «Это был лучший матч моей жизни. Мы выиграли 7:3. Один из лучших...» — поправляется он, вспомнив, наверное, и другие, где с него начиналась победа. Но он никогда не скажет, что играл в тех матчах отлично, а скажет: «Я выручал».

7. После восьми игр первой суперсерии канадцы назвали его вратарем-стеной и объявили, что он все лето, каждый день по полтора часа, ловил шайбу, пущенную из канадской же катапульты. «Ничего подобного!» — говорит сейчас Третьяк. Кроме того, они жаловались на свою плохую разведку, которая доносила, что молодой советский вратарь откровенно слаб. Два канадских тренера видели его в тренировочном матче против второй сборной, где он пропустил девять шайб, из них шесть под левую руку. Четыре первых игры все канадское нападение, свирепея, швыряло, бросало, било и щелкало шайбу под левую руку Третьяку. Он ловил. На пятую игру они вспомнили, что есть и правый угол...

Вратарь-стена! Надежность стены есть в виде его рук, в пожатии не столь жесткой, сколько широкой ладони, обхватывающей вашу руку так, как вы можете обхватить руку ребенка, в мощном размахе его плеч... Надежность стены есть в его невозмутимости. И я, сколько бы вопросов ему ни задавал, как бы ни пытался проникнуть за его стену, видел только пожатие длинных плеч и выражение твердого, уверенного в своем праве быть покоя на лице. «Владислав Александрович, вы супермен!» — спросил я наконец. «Да какой я супермен...» — тянет он, больше говоря тоном, чем словами.

8. В его картотеке Бобби Халл, дюжий, широкий, крепко стоящий на льду, с ручищами, которые сделают честь лесорубу. Он и на лед выходит в парике — парик на присосках, чтобы не слетел в столкновении. Видимо, бросок его действительно уникален, потому что на мой вопрос: «Что в картотеке есть про Бобби Халла!» Третьяк отвечает: «Бросок!» — «А еще что!» — «Сильный бросок!» — отвечает Третьяк, после паузы и пожимки плечами. И действительно, тот, кто видел, как бросает Халл, зрелища не забудет: всю мощь своего разогнавшегося тела он переливает вдруг в ручищи, и шайба срывается с крюка со скоростью маленького метеорита, а Халл весь вытягивается с клюшкой в руках вслед броску. Фил Эспозито — высокий, сверху увенчанный, как короной, буйной шевелюрой черных кудрей, лезет он, как медведь через забор, через плечи защитников к воротам, клюшкой орудует то как пикой, то как шлагбаумом, то вдруг с ловкостью циркача, с быстротой, удивительной в

такой махине, перебросит клюшку из руки в руку, точно подставит под скользящую из угла шайбу: гол! И поедет, улыбаясь до ушей. В Москве на трибунах за улыбку и силу его, его звали Филя. Теперь — Кэшмен. Боевой петух канадской сборной. Лучший хук левой в Национальной хоккейной лиге (НХЛ). По пять раз за матч норовит сбросить перчатки, отбросить клюшку и затеять драку. Курнуайе. На тренировках бросает железный «блин» весом один килограмм. Пит Маховлич, чем-то похожий на актера Смирнитского, красивый, статный — и потехничней других. Пол Хендерсон. Редкий канадец, играющий в шлеме. Прямолинеен как поезд. В предпоследнем матче суперсерии он забил победный гол за две минуты до конца и сказал: «Это величайшее событие в моей жизни!» Но величайшее было для него впереди.

Перед последним периодом последнего матча суперсерии в Москве канадцы проигрывали 3:5. На 43-й минуте Эспозито забил четвертый, на 53-й Курнуайе пятый. Третьяк берет лист бумаги и рисует схему: «Всю жизнь этот гол помнить буду...» Атака канадцев сорвалась. Хендерсон врезался в борт за воротами и упал. «О нем просто забыли». На трибунах все встали. Сам воздух был пронизан лихорадочным возбуждением. Ничья кончала серию в нашу пользу. Шайбу вел Ляпкин. Канадцы откатывались назад под беспорядочный, всевозраставший крик трибун. Ляпкин дал пас. Эспозито на синей линии перехватил пас и сразу же бросил вперед, где за спиной Ляпкина выезжал на пятачок Хендерсон — в томительной, страшной пустоте у наших ворот принял он шайбу. Третьяк черточкой рисует, как он упал. «Я ничего не видел»,— говорит Сидельников, бывший на скамейке у борта. «Все повскакали. Все как в тумане...» «Владик упал чуть раньше, чем надо»,— говорит Лапшенков, вратарь и друг Третьяка, видевший все это с трибуны, и в этом «чуть», которое он произносит с болью,— вся невозвратимость и краткость мгновенья, перевернувшего мир. Оставалось 34 секунды до конца...

9. Его никто не винил: «Есть шайбы, которые вратарь объективно не может взять — когда два выходят на одного или два на ноль, то есть два нападающих на вратаря». Знание, что объективно такая шайба не берется, освобождает психику от излишнего долга и помогает ее все-таки взять. И еще: «Я с детства сам себе как тренер был. Тарасов потом еще говорил Тихонову: «Ты его не трогай, когда он пропустит, он сам себя линчует». И вот Третьяк сидит в раздевалке, опустошенный, со слипшимися волосами. «Вам нужна жалость после таких шайб!» — «Нужна».— «И кто же!» — «Жена. Или Гена Лапшенков. Или второй вратарь. Вратари, они понимают...»

Пришли в раздевалку люди и сказали, что канадцы просят его свитер и клюшку Якушева для Музея хоккейной славы в Торонто. Он отдал свитер и видел его потом в Торонто под стеклом: «Свитер великого русского вратаря Третьяка». Никто в Канаде больше не похлопывал его по плечу, даже если он пропускал. А другой великий, Бобби Халл, попросил Третьяка дать ему автограф, подписать книгу. Халл один из тех канадцев, что ярость свою оставляет на поле. «Он хороший человек, чувствуется. Не ставит себя выше других. Улыбка у него хорошая». Такая же симпатия без слов у него с вратарем Чиверсом. Говорить трудно, если вы стоите в противоположных воротах. Но в том пожаре и вихре, в той сшибке, что представляют из себя встречи наших с канадцами, достаточно улыбки, кивка, прищуренных глаз, удара клюшкой по щиткам перед матчем, чтобы показать, что есть кое-что более высокое, чем разделяющая людей жажда победы. «Хотя это и трудно бывает понять. Когда ты проиграл. Когда у тебя лицо разбито в кровь». Он говорит, и в его глазах нет каменной самоуверенности, наглого напора, который мог бы быть в глазах у вечного победителя,— нет, там, на дне, есть грусть, есть знание о цене.

10. Игра с канадцами — это вихрь рывков, толчков, ударов, столкновений, мгновенных поединков на каждом метре поля. Ты стоишь в воротах, и они все время норовят «ширнуть» тебя (тоже словечко Сидельникова). Ты хочешь сыграть клюшкой — они бьют по клюшке сверху, так что она подскакивает, пропуская шайбу. Они цепляют тебя. Ты видишь на их лицах несомненное желание вбить тебя в ворота вместе с шайбой, когда ты в следующий раз поймаешь ее. Ты видишь, как пошедший в обыгрыш Викулов нарывается на плечо защитника, словно на железный брус,— и летит на лед с выбитой ключицей. Ты слышишь, как грохочет сотрясенный борт, когда двухметровый Робинсон всем своим весом вбивает в борт Крутова. Ты видишь все их маленькие жестокие хитрости, незаметные с трибун.

Вот летит вперед Макаров — уникальный дриблер, мастер замысловатых проходов и пасов! — и накатисто идет за ним защитник, охлопывает Макарова клюшкой. Это можно по правилам. Эпизод как эпизод. Но весь легкий, летучий, изящный проход Макарова есть движение через боль, есть скрежет зубовный и натяжение терпящих нервов, потому что защитник бьет клюшкой по незащищенным местам. Слабые места хоккейной амуниции канадцы знают прекрасно. Это икры, руки от плеча до локтя. Они могут в своем жестком отношении к игре умышленно бить по больным местам. В 1972 году в Москве сборная НХЛ охотилась за Харламовым, зная про его больной голеностоп. И те же самые канадцы, беспощадные к Харламову, не раздумывая, ложились под страшные броски нашей защиты, как это делал литой, на маленького боевого орла похожий Стэплтон на последней минуте третьего московского матча 1972 года, трижды подряд.

Страх им неведом. Это Горди Хоу, попав на стол к врачу, требовал: «Зашейте меня побыстрее, док, я еще успею выйти на лед в этом периоде!» Но и у нас в раздевалке Михайлов шутит перед выходом на лед: «Эй, доктор, у вас хватит на сегодня шовного материала!»

11. Вратарь-стена! Человек без нервов! Человек долга! Человек, умеющий забывать обо всем, кроме хоккея, концентрировать волю, подавлять страх! («Когда на ворота прет махина с трехметровым замахом, боюсь ли я! Что ж я, дурак! Боюсь. Может ведь убить, если шайба в горло попадет. Но в игре преодолеваешь страх».)

Вратарь-стена! Машина для поимки взбесившихся шайб! Человек-компьютер!

Рассказывает Лапшенков: «Прилетаю я 25 августа 1972 года с юга, меня встречает брат. Говорит: «Поехали! Есть дело! Владик сказал тебя привезти!» Привозит к Владику, открываем дверь, там много народу, захожу, меня знакомят с Таней. Тогда я понял, что он женился. Тогда я сел и не задавал вопросов...

Надо было отговорить человека! (Так я тогда думал, сидя-то...) Ну что это... Вдруг, в нужный момент, первый вратарь... Его малейшая несобранность для команды катастрофа. Представляете! Это ж самое ответственное испытание в жизни! На высоком уровне решался вопрос: играть нам с профессионалами или нет... и вдруг... какая-то свадьба... Он же должен улететь! К чему! Месяц обождать не мог!

Потом он рассказал, что видел Таню перед этим всего несколько дней. В первый же день сделал предложение [1]. Она ему, конечно, отказала. На второй день он приехал с папой уже — уговаривать. Те девять шайб, которые видели канадские разведчики, он пропустил как раз за день до свадьбы.

Через два дня он улетал в Канаду. Я ему ничего не сказал. Руку пожал. Про себя так говорил: «Владик! Ты мне перебивал все время путь! Ты учти! Едешь за нас всех! Если сломаешься — сотру в порошок!»

В то время Лапшенков уже ушел из ЦСКА в «Динамо». В ЦСКА при Третьяке ему делать было нечего. И он говорит пылко: «Кто остался, мы все видели себя там: а как бы я! Если б мы там были — мы б профессионалов взглядами сожрали! Ведь сколько б мы ни дрались между собой, но — извините! — когда мы в одной компашке, я свою голову не пожалею!

Когда бьемся с канадцами, подкожные варианты отходят прочь. Остаются высокие чувства».

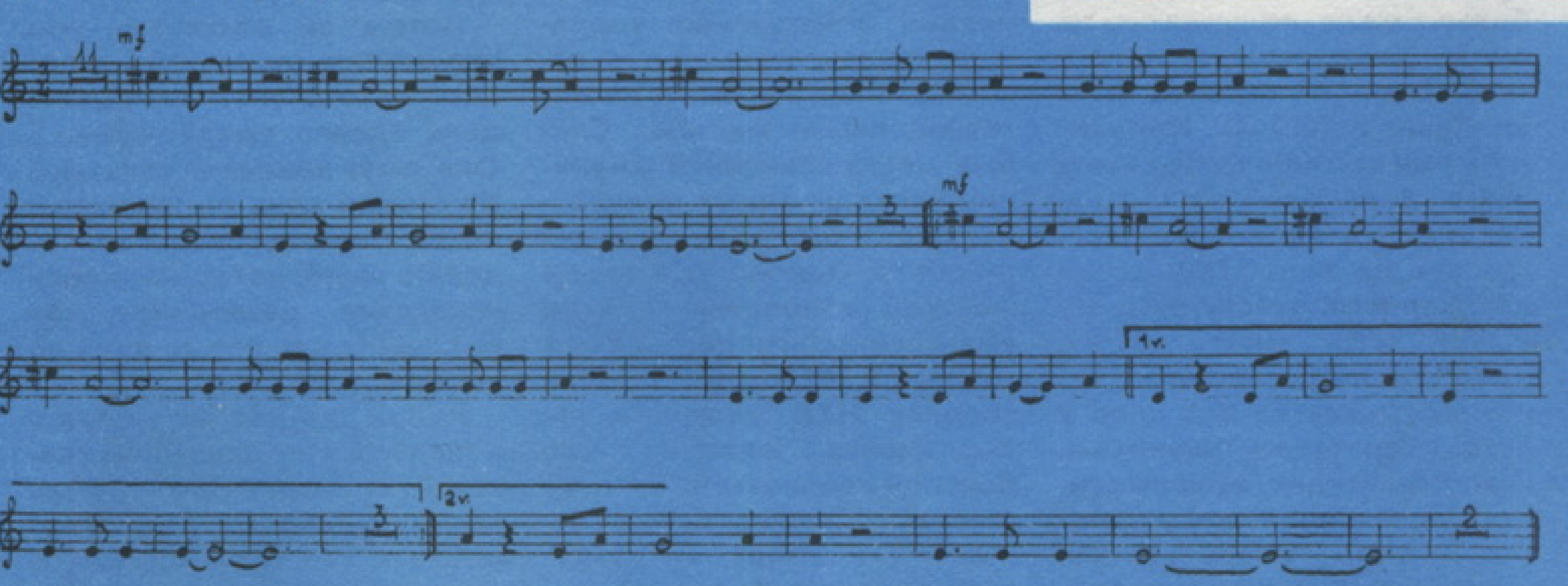
---

[1] *«Не совсем так,— сказал Третьяк, читая этот материал перед тем, как он пошел в набор.— Пятого августа познакомился, десятого сделал предложение. Это риск был какой!»* Он засмеялся.

ПЕСНИ ТЕХ, ФЕСТИВАЛЬНЫХ, ЛЕТ...

«Я спускаюсь все ниже и ниже, я спускаюсь в шахту, спускаюсь к смерти, потому что я шахтер. Все, что я беру из земли, отбирает себе хозяин, а мне не достается ни гроша, потому что я — шахтер» — это одна из первых ставших всемирно известными песен Виктора Хары. «Песня шахтера» и многие другие песни Виктора были героями XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который проходил в 1978 году на Кубе. Напоминаем нашим читателям, что «Ровесник» неоднократно публиковал песни Хары: в № 1 за 1974 год мы напечатали песню «Аманда и Мануэль», в № 4 за 1975-й — «Знамена в сердце», «Колыбельная негритенку», «Мир народам», «Человек — творец», в № 6 за 1976 год — «Призыв к землепашцу», в № 7 за 1978 год — «Песня для Кубы» и в № 9 за 1980 год — «Лукин».

Voy, vengo, subo, bajo
todo para qué
nada para mí
minero soy
a la mina voy
a la muerte voy
minero soy.

Abro, saco, sudo, sangro
todo pa'el patrón
nada pa'el dolor
minero soy
a la mina voy
a la muerte voy
minero soy.

Mira, oye, piensa, grita
nada es lo peor
todo es lo mejor
minero soy
a la mina voy
a la muerte voy
minero soy.

В НОМЕРЕ:

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 09.01.85. Подписано в печать 12.03.85. А00665. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 250 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 2528.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 35 коп.